

ORG
PSY

ОРГАНИЗАЦИОННАЯ
ПСИХОЛИНГВИСТИКА

ЭЛЕКТРОННОЕ
ПЕРИОДИЧЕСКОЕ
ИЗДАНИЕ

№2 (22)

2023

АГЕНТСТВО СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

ОРГАНИЗАЦИОННАЯ
ПСИХОЛИНГВИСТИКА

научный журнал

№2 (22)

Москва, 2023

УДК 81'23(050)
ББК 87.228.1
О-64

ISSN 2619-0273

Учредитель журнала
Общество с ограниченной ответственностью
«Агентство социально-гуманитарных технологий»

Организационная психолингвистика [Электронный ресурс]: электрон. науч. журнал / гл. ред. С.В. Мыскин. – Вып. № 2 (22). – Электрон, текстовые дан. (5,0 МВ). М.: ООО «Агентство социально-гуманитарных технологий», 2023. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).

Электронный научный журнал «Организационная психолингвистика» является результатом научного сотрудничества ведущих специалистов в области психолингвистики и психологии. Издание включает публикации результатов теоретических и прикладных исследований, а также другую информацию научного характера. Периодичность выхода журнала 4 раза в год. Журнал учрежден в 2017 г.

Для специалистов в области психолингвистики и психологии, преподавателей, аспирантов и студентов.

Авторы статей несут полную ответственность за точность приведённых сведений, данных и дат. При перепечатке материалов ссылка на журнал «Организационная психолингвистика» обязательна.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ЭЛ № ФС77-71113 от 22.09.2017 г.

Журнал выпускается на электронном носителе (CD-R).

Архив номеров доступен
<http://www.psycholinguistic.ru>

Издатель:
ООО «Агентство социально-гуманитарных технологий»
115162, г. Москва, ул. Лестева, д. 24
Тел. +7(926)384-02-69
e-mail: orgpsyling@yandex.ru
<http://www.psycholinguistic.ru>

Минимальные системные требования:
Pentium 4.2 ГГц; 512 MB RAM; Не менее 4 MB свободного места на винчестере; Windows 2000, XP, Windows 7, 8, 10; CD-ROM; Программа для чтения PDF-файлов.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор – **Мыскин Сергей Владимирович**, доктор филологических наук, кандидат психологических наук, профессор Московского городского педагогического университета (Россия)

Зам. главного редактора – **Тарасов Евгений Фёдорович**, доктор филологических наук, профессор Московского городского педагогического университета (Россия)

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Журавлёв Игнатий Владимирович, кандидат психологических наук, старший преподаватель Московской Международной Академии (Россия)

Ильина Виолетта Александровна, профессор, доктор филологических наук, профессор кафедры теории и практики перевода Российского нового университета (Россия)

Исаев Евгений Иванович, профессор, доктор психологических наук, профессор кафедры педагогической психологии им. В.А. Гуружапова Московского психолого-педагогического университета (Россия)

Кудрявцев Владимир Товиевич, доктор психологических наук, профессор Дирекции образовательных программ Московского городского педагогического университета (Россия)

Радченко Олег Анатольевич, доктор филологических наук, профессор, заслуженный работник высшего образования, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, Почетный гражданин штата Оклахома (США), член Научного сообщества по истории языкознания (Мюнстер, ФРГ), член Общества немецкого языка (ФРГ), профессор кафедры общего и сравнительного языкознания Московского государственного лингвистического университета (Канада)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Алефиренко Николай Фёдорович, доктор филологических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, профессор кафедры русского языка и русской литературы Белгородского государственного национального исследовательского университета (Россия)

Богоявленская Диана Борисовна, профессор, доктор психологических наук, главный научный сотрудник Психологического института Российской академии образования, профессор кафедры психологической антропологии Московского педагогического государственного университета (Россия)

Бойко Борис Леонидович, профессор, доктор филологических наук, профессор кафедры германских языков Военного университета МО РФ (Россия)

Булгаков Александр Владимирович, профессор, доктор психологических наук, профессор кафедры юридической психологии Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя (Россия)

Вашунина Ирина Владимировна, доцент, доктор филологических наук, профессор; профессор, заведующий кафедрой романо-германских языков Всероссийской академии внешней торговли Минэкономразвития РФ (Россия)

Григорьев Андрей Александрович, доктор филологических наук, доцент, главный научный сотрудник лаборатории психологии и психофизиологии творчества Института психологии РАН РФ (Россия)

Дугарова Туяна Цыреновна, доктор психологических наук, доцент, профессор Московского педагогического государственного университета (Россия)

Иванов Николай Викторович, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой романских языков Московского государственного института международных отношений (Университет) МИД РФ (Россия)

Каминская Маргарита Владимировна, доктор психологических наук, кандидат педагогических наук (Россия)

Клюканов Игорь Ангелевич, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой культурологии и социокультурных коммуникаций Российского нового университета, профессор Eastern Washington University (Чини, США)

Комалова Лилия Ряшитовна, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник отделом языкознания Института научной информации по общественным наукам РАН РФ (Россия)

Корытова Галина Степановна, доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой психологии развития личности Института психологии и педагогики Томского государственного педагогического университета (Россия)

Кремнёв Евгений Владимирович, доцент, кандидат социологических наук, заведующий кафедрой китаеведения института филологии, иностранных языков и медиакоммуникации Иркутского государственного университета (Россия)

Кыштымова Ирина Михайловна, профессор, доктор психологических наук, профессор кафедры психологии образования и развития личности Педагогического института Иркутского государственного университета (Россия)

Лельчицкий Игорь Давыдович, член-корреспондент Российской академии образования, доктор педагогических наук, профессор, заместитель председателя Экспертного совета по педагогике и психологии ВАК Министерства образования и науки РФ, Почетный работник высшего профессионального образования РФ, лауреат премии Правительства РФ в

области образования, директор Института педагогического образования, заведующий кафедрой социальной работы и педагогики Тверского государственного университета (Россия)

Маслова Валентина Авраамовна, доктор филологических наук, профессор, Член Президиума ВАК Республики Беларусь, профессор кафедры германской филологии Витебского государственного университета (Беларусь)

Попова Татьяна Георгиевна, профессор, доктор филологических наук, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, профессор кафедры английского языка (второго) Военного университета им. князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации (Россия)

Приступа Елена Николаевна, доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой социальной и семейной педагогики Института педагогики и психологии Московского педагогического государственного университета (Россия)

Романов Алексей Аркадьевич, доктор филологических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, Почётный работник высшего профессионального образования РФ, академик Международной академии психологических наук, академик Академии гуманитарных и социальных наук, член Российского психологического общества, директор Института прикладной лингвистики и массовых коммуникаций, заведующий кафедрой теории языка и межкультурной коммуникации Тверской государственной сельскохозяйственной академии (Россия)

Рябова Марина Эдуардовна, профессор, доктор философских наук, профессор кафедры германистики и лингводидактики Московского городского педагогического университета (Россия)

Сигал Кирилл Яковлевич, доктор филологических наук, главный научный сотрудник, заведующий отделом экспериментальных исследований речи Института языкознания РАН РФ (Россия)

Синячкин Владимир Павлович, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка и межкультурной коммуникации факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов (Россия)

Слободчиков Виктор Иванович, профессор, доктор психологических наук, член-корреспондент Российской академии образования, главный научный сотрудник Института изучения детства, семьи и воспитания Российской академии образования (Россия)

Степанов Валентин Николаевич, доктор филологических наук, профессор, Заслуженный работник высшей школы РФ, проректор по управлению знаниями, заведующий кафедрой массовых коммуникаций Международной академии бизнеса и новых технологий (Россия)

Харченко Елена Владимировна, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка как иностранного Южно-Уральского государственного университета (Россия)

Цзюй Юньшэн, доктор филологических наук Хэйлунцзянского университета Китая, ведущий научный сотрудник центра исследования русской лингвистики, литературы и культуры Хэйлунцзянского университета (Китай)

Шляхов Владимир Иванович, профессор, доктор педагогических наук, профессор Российского университета дружбы народов (Россия)

СОДЕРЖАНИЕ

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В МАЛЫХ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ГРУППАХ, ТРУДОВЫХ КОЛЛЕКТИВАХ, ОРГАНИЗАЦИЯХ

<i>Кузнецова Ю.М.</i> Психологическая интерпретация Я- и Мы- субъектности эмотивных конструкций по данным эмотивно-каузативного анализа сетевых дискуссий.....	10
<i>Серов В.А.</i> Перспективы исследования номинаций пунктов общественного питания в русле когнитивной лингвистики.....	30
<i>Урсул К.В., Урсул В.И.</i> Моделирование динамики речевого портрета личности современного политика.....	45

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ И ЗАРУБЕЖНАЯ ПРАКТИКА ОРГАНИЗАЦИОННОЙ ПСИХОЛИНГВИСТИКИ

<i>Погребняк Ю.В., Бодриков А.Б.</i> Диахроническая трансформация семантической структуры концептов в русской лингвокультуре.....	65
<i>Степанов В.Н., Еремина Н.С.</i> Точки когнитивного напряжения в рецепции поэтического текста.....	87
<i>Чернышева Е.В., Могильникова И.Н.</i> Проявление феномена сплетни среди молодежи.....	105
ОБ АВТОРАХ.....	126
ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ.....	127

CONTENTS

EXPERIMENTAL STUDIES IN SMALL PROFESSIONAL GROUPS, LABOR COLLECTIVES, ORGANIZATIONS

- Kuznetsova Yu.M.* Psychological interpretation of *i-* and *we-*subjectivity of emotive constructions based on the emotive-causative analysis of network discussions..... 10
- Serov V.A.* Prospects for the study of nominations of catering points in the framework of cognitive linguistics..... 30
- Ursul K.V., Ursul V.I.* Modeling the dynamics of the speech portrait of a modern politician personality..... 45

DOMESTIC AND FOREIGN PRACTICE OF ORGANIZATIONAL PSYCHOLINGUISTICS

- Pogrebnyak Yu.V., Bodrikov A.B.* Diachronic transformation of the semantic structure of concepts in russian linguoculture..... 65
- Stepanov V.N., Eremina N.S.* Cognitive tension points in the reception of a poetic text..... 87
- Chernysheva E.V., Mogilnikova I.N.* Manifestation of the phenomenon of gossip among young people..... 105

ABOUT AUTHORS..... 126

INFORMATION FOR AUTHORS..... 127

**ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В МАЛЫХ
ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ГРУППАХ, ТРУДОВЫХ КОЛЛЕКТИВАХ,
ОРГАНИЗАЦИЯХ/ EXPERIMENTAL STUDIES IN SMALL PROFESSIONAL
GROUPS, LABOR COLLECTIVES, ORGANIZATIONS**

УДК 81'23

Ю.М. Кузнецова

Федеральный исследовательский центр «Информатика и управление»
Российской академии наук
117312, пр-т 60-летия Октября, 9
Москва, Россия
kuzjum@yandex.ru

**ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ Я- И МЫ-СУБЪЕКТНОСТИ
ЭМОТИВНЫХ КОНСТРУКЦИЙ ПО ДАННЫМ ЭМОТИВНО-КАУЗАТИВНОГО
АНАЛИЗА СЕТЕВЫХ ДИСКУССИЙ**

Аннотация. В работе рассматриваются психологические аспекты выражения субъекта эмотивной конструкции с помощью личных местоимений первого лица. Выбор между я- и мы-субъектностью при описании эмоциональных состояний обсуждается в связи с особенностями границ личности адресанта, оказывающими влияние на интенционную основу его речевой деятельности. В эмпирической части статьи приводятся результаты применения инструмента автоматического каузативно-эмотивного анализа TITANIS к текстам 2048 сетевых дискуссий различной тематики. Среди выявленных более 16 тыс. эмотивных конструкций с участием местоимений первого лица выделено 2,6 тыс. конструкций, содержащих упоминание множественного субъекта «мы» и отражающих приписывание собственного эмоционального состояния адресанта реальной группе или неопределенной общности. Описаны особенности употребления «я» и «мы» в ролях экспериенцера и каузатора при предикатах с семантикой каузации эмоционального состояния нейтральной, позитивной и негативной тональности. По итогам кластеризации данных каузативно-эмотивного анализа выявлена специфика эмоциональных ситуаций с «я» в роли каузатора и показана возможность объяснить феномен приписывания эмоций множественному субъекту «мы» существованием процесса диффузии непосредственного эмоционального содержания «я» в роли экспериенцера.

Ключевые слова: субъектность, эмотивно-каузативный анализ, экспериенцер, каузатор, приписывание эмоций

**PSYCHOLOGICAL INTERPRETATION OF I- AND WE-SUBJECTIVITY
OF EMOTIVE CONSTRUCTIONS BASED ON THE EMOTIVE-CAUSATIVE ANALYSIS
OF NETWORK DISCUSSIONS**

Abstract. The paper examines the psychological aspects of the emotive constructions' subjectivity expressed by first-person pronouns. The choice between *I*- and *we*-subjectivity for a description of emotional states is discussed in connection with specificities of the writing person's boundaries personality which affect the intentional basis of his speech activity. The empirical part of the article presents the results of applying the automatic causative-emotive analysis tool TITANIS to the texts of 2048 network discussions on various topics. The more than 16 thousand emotive constructions include first-person pronouns are identified, with 2.6 thousand contain the multiple subject "we" that reflect the attribution of the writing person's own emotional state to a real group or an indefinite community. Some traits of "I" and "we" as an experimencer or causator accompanying predicates with the semantics of causation of neutral, positive or negative emotions are described. The clustering of causative-emotive analysis data shows a specificity of emotional situations with the "I" as a causator, and a possibility of explaining the attributing emotions to multiply subject "we" by a certain diffusion process of a primary emotional content of the "I" as an experimenter.

Keywords: subjectivity, emotive-causative analysis, experimencer, causator, attribution of emotions

Введение

Местоимения первого лица служат средством указания на адресанта речевого высказывания. В то время как личное местоимение *я* является «специализированным и рафинированным» показателем субъекта речи, с помощью которого предметные темы текста однозначно соотносятся с личным опытом автора текста [25, с. 11], местоимению *мы* атрибутируется большая семантическая сложность и неопределенность и даже «коварство»: обозначая говорящего и кого-то другого, оно оставляет неясным, кого именно другого [10, с. 91]. Так, различаются *мы* референтное, употребляемое по отношению к непосредственным коммуникантам, и *мы* нереферентное, используемое для обозначения неопределенного множества лиц, не участвующих непосредственно в коммуникации [4], а при определенных обстоятельствах *мы* может и не включать в себя субъект *я* [17, с. 128]. За исключением специфической ситуации соавторства при

написании текста очевидной реальностью коммуникации является единичность коммуникантов, поэтому представленные в речи мы-формулировки вызывают интерес с точки зрения целей их использования и стоящего за ними психологического содержания.

1. Лингвистические и психологические представления о я- и мы-субъектности

Нужно сказать, что в литературе можно встретить взгляд, сводящий проблему «яканья и мыканья» к «рефлекторному» использованию существующих речевых клише, благодаря чему, например, в рамках одной научной публикации может отмечаться нерегулярное присутствие обеих способов авторизации [3].

Однако более широко представлен подход, согласно которому адресант использует ту или иную форму под влиянием определенных причин, вследствие чего его выбор может быть содержательно интерпретирован с учетом предметного и интенционального контекста. Так, в научном дискурсе «мы-конструкции» маркируют следующие коммуникативные ситуации и интенции автора:

- реальная множественность авторов и / или участников исследования, результаты которого представлены в публикации [8];
- соблюдение принципа кооперации членов научного сообщества, «научная скромность» автора, его стремление к объективности изложения и желание дистанцироваться от личностных качеств в пользу профессиональных [24];
- нормативное смягчение категоричности утверждения в силу существующих в конкретной научной дисциплине традиций изложения или как средство трансляции идеи о предварительном характере сообщаемой информации [3];

- сближение автора и читателя путем их идентификации как заинтересованных лиц, объединенных общими стремлениями и задающихся одинаковыми исследовательскими вопросами [12, с. 63-64];
- стремление автора, выступая в качестве представителя подразумеваемой группы, избежать груза исключительно личной ответственности за излагаемый материал [26, с. 1110].

Вне научного дискурса *мы*-субъектность нагружается множеством социальных и когнитивных функций, выступая в качестве маркера позиции и статуса говорящих, определяя дистанцию между субъектами речи, участвуя в формировании личной и коллективной идентичности [22, с. 26]. О.А. Крапивкина перечисляет следующие функции «*мы*-высказываний»: *мы* как инструмент преодоления эгоцентризма, как маркер сакральной власти субъекта, как маркер совместной деятельности, как инструмент эмпатии, как инструмент солидаризации с неопределенным референтом (*мы с вами*), как инструмент акцентирования дистанции, оппозиционирования (*мы-группа vs. они-группа*) [10]. Б.Ю. Норман и А.М. Плотникова выделяют эмоциональную функцию *мы*, повышающего значимость сказанного благодаря переводу опыта говорящего в опыт общности [17, 132]. Е.А. Мартемьянова указывает на вовлекающую функцию *мы* [13, с. 13] и т. д.

Особенное внимание уделяется манипулятивному потенциалу «*мы*-высказываний». По определению Б.Ю. Нормана, «изначальная, заложенная в самом языке семантическая размытость *Мы* – в отсутствие его конкретизаторов – создает базу для определенных психоречевых манипуляций, когда слушающему (или читателю), привыкшему к одному пониманию *Мы* или просто предполагающему одно его «наполнение», подсовывается другое его содержание» [16, с. 219]. И.Ю. Гранева в качестве причины активного использования *мы* в манипулятивной коммуникации

указывает его «богатые возможности в сфере концептуализации и оценочной интерпретации действительности» [4, с. 16].

Психологический подход к тематике *мы-субъектности* связывает ее с различными преходящими или хроническими проблемами формирования и функционирования границ личности в контексте нормального онтогенеза (феномен «ПРА-МЫ» [14]) и социально-психологического процесса группирования (противопоставление ин-группы «МЫ» и аут-группы «ОНИ» [20], формирование механизма «общности судьбы» в семье [1, с. 68–70]), а также отклонений в развитии личности (конфлюэнция [7]), патологии отношений (созависимость [15]) и т.п., объединяемых выраженным преобладанием тенденции к слиянию над тенденцией выделения субъекта из социального окружения. Представленность *мы-формулировок* в речевой деятельности человека приобретает при этом практическую диагностическую ценность, поскольку позволяет оценить наличие, выраженность и динамику неблагоприятных тенденций в сфере идентичности и социальных контактов личности [21].

Представляется очевидным, что проявляющееся в «*мы-речи*» «устранение субъекта» [4, с. 18] или его «растворение» [11, с. 404] наиболее осуществимо на материале ментальных сущностей (желаний, мыслей, эмоций), которые, в отличие от предметов или внешних действий, недоступны для непосредственного наблюдения, что значительно осложняет верификацию их наличия и оценку характера. В то время как формулировки типа «мы создали / исследовали / написали» отражают реальность со-действия определенного множественного субъекта, за формулировкой «мы чувствовали», даже если речь идет о совместном эмоциональном опыте, стоят не феномены со-чувствия, а результаты довольно сложной ментальной (аффективной и когнитивной) работы

говорящего, направленной на то, чтобы либо «вчувствоваться» в другого, либо объяснить себе, что другой чувствует.

Такое различие соответствует концепции эмпатии, предложенной В.В. Нурковой, которая предлагает выделять: 1) эмпатию-отождествление как заимствование эмоционального состояния Другого ценой временной утраты автономной субъектности (соотносимые термины: эмоциональное заражение, эмоциональная мимикрия, имитация), и 2) эмпатию как моделирование мышления и эмоций Другого (соотносимые термины: теория психического, обыденная психология, ментализация, эмоциональный интеллект) [18, с. 13; 19, с. 7]. Вне ситуации прямого взаимодействия первый механизм, подразумевающий наличие реального общего аффективного опыта – «вчувствование», – не может быть задействован. Следовательно, по самой осторожной оценке, значительная часть коммуникации по поводу «мы-переживаний» должна анализироваться с учетом принципиального различия между *переживанием* собственной эмоции как некоторой непосредственной аффективной реальности, в которую погружено я адресанта, и *моделированием* эмоции, переживаемой отличным от адресанта субъектом, с последующим внедрением такой смоделированной эмоциональности в выстраиваемый ментальный образ этого другого, в том числе, множественного субъекта *мы*.

Возникающий при этом вопрос об источнике аффективного содержания в конкретных актах моделирования эмоций других людей следует рассматривать с учетом наивно-психологической природы эмпатии-моделирования. Наивной картине мира свойственно эгоцентрическое полагание я в качестве образца, эталонной матрицы всех вообще поведенческих, когнитивных и аффективных явлений, с одной стороны, и отсутствие рефлексии данной установки, с другой. Согласно

формулировке Л.М. Веккера, «эгоцентризм, вопреки его распространенной чисто житейской оценке, состоит не в обращенности мысли на его носителя, а, наоборот, в выпадении последнего из сферы отображения» [2, с. 292], поэтому оправданным представляется предположение о том, что механизм формирования «знания» о переживаниях другого субъекта, в том числе, множественного, может быть обозначен как неосознаваемое *приписывание* [5] этому субъекту эмоциональных состояний, принадлежащих самому наивному эмпату. При этом речь идет не о намеренном искажении реальности, как в случае с манипуляцией, а об искренней уверенности человека в том, что чувства других людей так же доступны и понятны ему, как его собственные. С этой точки зрения *мы-субъектные* эмотивные конструкции выступают как речевая форма приписывания эмоций множественному субъекту, к которому адресант относит и себя самого.

2. Исследование речевой я- и мы-субъектности

2.1. Организация исследования

С целью выявления специфики я- и мы-субъектности речевых описаний эмоциональных состояний и выявления их возможных взаимосвязей было проведено эмпирическое исследование. Его **предметом** выступило психологическое содержание эмотивных конструкций, образованных предикатами со значением каузации эмоционального состояния (каузативными эмотивами) и личными местоимениями *я* и *мы*. Выделение данного предмета связано с возможностями **метода** каузативно-эмотивного анализа, реализованного в инструменте TITANIS [27]. Метод позволяет в автоматическом режиме обнаруживать в текстах 79 каузативных эмотивов русского языка с положительной (*радовать*), отрицательной (*пугать*) и нейтральной (*удивлять*) оценочной

модальностью и определять аргументы, заполняющие при них ролевые позиции экспериенцера (субъекта эмоции) и каузатора (причины эмоции).

Сочетание эмотива с каузатором и экспериенцером представляет собой минимальную эмотивную конструкцию, которой как речевому явлению соответствует эмоциональная ситуация как явление жизненной практики человека. По аналогии с предложенной Н.В. Иосилевич для анализа высказываний типа *Ты говоришь мне* категорией языкового субъекта, который выражен в приведенном примере местоимением *ты* и не совпадает с речевым субъектом – адресантом высказывания [6, с. 94], при интерпретации данных каузативно-эмотивного анализа в соответствии с целью настоящего исследования представляется полезным различение адресанта эмотивного высказывания и четырех субъектов-участников эмоциональной ситуации: *я*-экспериенцер и *мы*-экспериенцер – единичный и множественный субъект-носитель эмоционального состояния, *я*-каузатор и *мы*-каузатор – единичный и множественный субъект, влияющий на эмоциональное состояние другого экспериенцера.

В качестве **исследуемого материала** привлекались тексты сетевых обсуждений видео, размещенных в течение 2020 г. на популярных каналах русскоязычного YouTube развлекательной, политической и просветительской тематики в объеме 2048 дискуссий, содержащих 7.727.635 комментариев.

2.2. Результаты и обсуждение

Всего в исследуемом материале было выявлено 16.186 эмотивных конструкций с участием местоимений первого лица, при этом конструкций с *я* в пять раз больше, чем конструкций с *мы* (соответственно, 84% и 16% всех случаев). Можно видеть, что в анализируемом текстовом материале эмотивные конструкции с *я*-субъектностью однозначно доминируют.

Было вычислено соотношение между общим количеством эмотивных конструкций с *я* и *мы* в роли экспериенцера и количеством конструкций, где они выступают в роли каузатора, или индекс субъектности. Он оказался высоким: 13,5 для *я* и 13,1 для *мы*, то есть эти аргументы в тринадцать раз чаще упоминаются в анализируемых текстах в позиции экспериенцера, чем в позиции каузатора. Для сравнения: тот же индекс субъектности, вычисленный для эмотивных конструкций с участием местоимений второго лица, составляет 1,4 для *ты* и 1,3 для *вы*.

Приведенные соотношения означают, что *я* и *мы* сетевых дискуссий в гораздо большей степени заняты собственными переживаниями, чем вопросом о своем влиянии на чувства других. Это вполне объяснимо, поскольку эмотивные конструкции с *я*- и *мы*-субъектностью служат средством передачи «взгляда изнутри», для которого переживаемые эмоции выступают в качестве поглощающей все внимание первичной аффективной реальности. *Ты* же и *вы* почти одинаково часто выступают для адресантов каузаторами и субъектами эмоций, поскольку для «взгляда извне» чувства партнера по общению в позиции *ты/вы*-экспериенцера – это всего лишь наблюдаемый со стороны феномен, зато эмоции, вызываемые партнером в позиции *ты/вы*-каузатора, по преимуществу принадлежат самому адресанту, и такое обращение к его собственной эмоциональности повышает их субъективную значимость и готовность о них говорить.

По индексу позитивности (отношение общего числа сочетаний с эмотивами-позитивами к общему числу сочетаний с негативами) близкие значения получены для *я*- и *мы*-экспериенцеров (1,13 и 1,08, соответственно), которые противопоставляются по данному показателю *я*- и *мы*-каузаторам, для которых значения составили 0,12 и 0,42. Это значит, что *я* и *мы* почти одинаково часто участвуют в позитивных и негативных

эмоциональных ситуациях в качестве экспериенцеров, но в позиции каузатора гораздо чаще упоминаются в связи с отрицательными эмоциями.

Для выявленных в исследуемом материале случаев *мы-субъектности* эмотивных конструкций можно определить следующие психологические функции (приведены примеры для *мы-экспериенцеров* и через слеш (/) *мы-каузаторов*):

1) *мы* как средство идентификации, в том числе,

- с конкретной группой: *мы с друзьями возмутились такой жестокостью / я снимаю со своим братом мишей) мы тебя будем радовать разными поделками и рисунками!*;
- с определенной общностью: *ваш напор и целеустремленность за правое дело, поражает и вдохновляет нас, простых россиян! / люди с пониманием относятся к моей стране, уважают нас;*
- с неопределенной общностью: *мы напуганы, нам страшно, мы терпим / заботиться о нас навряд ли кто-то будет;*
- с неопределенным большинством: *да мы же об этом все беспокоимся / скоро новый год, все мы хотим удивить и порадовать своих родных и близких;*

2) *мы* как средство противопоставления: *как по-разному впечатляет этот фильм нас и итальянцев; приходят на наши эфиры и нас же унижают / у себя всё развалили, теперь волнуются за нас; мы вас вообще не интересовали;*

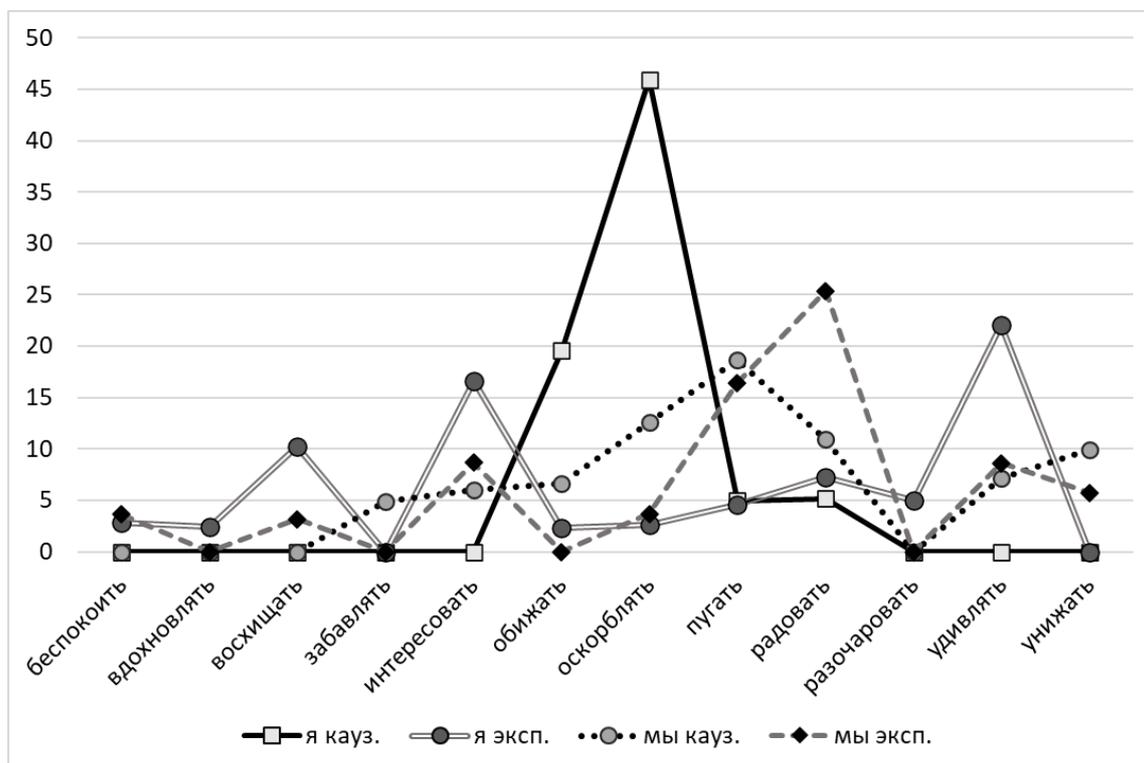
3) *мы* как средство идентификации с каузатором: *да-а, удивляюсь я нам; я нами восхищаюсь; согласна, мы сами себя унизили!; мы себя только утешаем от бессилия; главное, чтобы не было рабовладения - успокаиваем мы сами себя.*

Первые два из обнаруженных способов употребления эмотивных *мы-конструкций* соотносятся с описанными Л.Н. Синельниковой типами «мы-

дискурса»: дискурсом идентичности (*как все*) и дискурсом отчуждения (*мы – они*) [23, с. 67], а третий, по-видимому, может рассматриваться в качестве речевого проявления зыбкости границ личности адресанта под влиянием действия психологических защит (например, идентификации с агрессором), игровой или манипулятивной интенции.

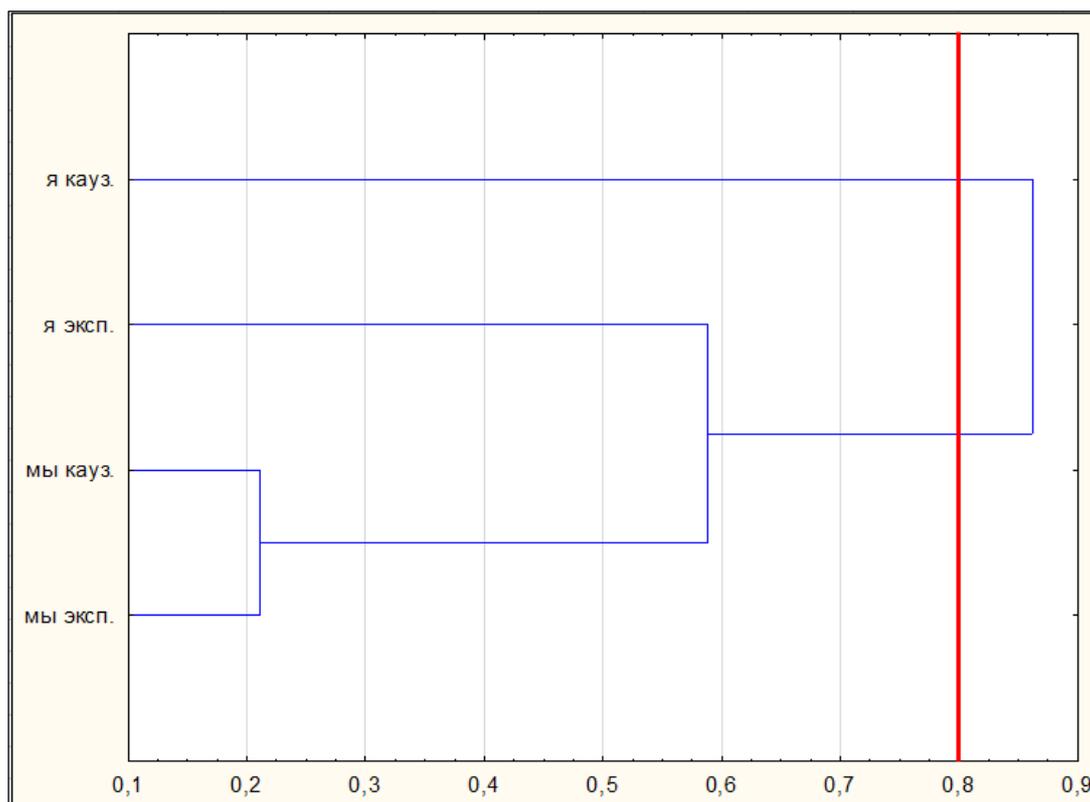
Подавляющее большинство выявленных конструкций с *мы-субъектностью* выполняют функцию идентификации с неопределенной общностью, остальные варианты в сумме составляют не более 20% всех случаев.

На рис. 1 представлены данные о связях *я* и *мы* в позициях экспериенцера и каузатора с отдельными наиболее часто встречающимися в сочетаниях с ними эмотивами. Из общего списка эмотивов были отсеяны редко (в сумме менее 25% от всех случаев) встречающиеся в эмотивных конструкциях с *я* и *мы*.

Рис. 1. Количество эмотивных конструкций с *я*- и *мы*-субъектами и частотными эмотивами (в процентах от общего числа конструкций для каждой группы).

Для комплексной численной оценки сходства выявленных паттернов эмотивной каузации был проведен кластерный анализ данных каузативно-эмотивного анализа в полном объеме (без исключения редких сочетаний) с применением метода Уорда (Ward's method) и метрики 1-Pearson r как меры сходства. Получена конфигурация, представленная на рис. 2: один кластер, объединяющий *я-экспериенцер*, *мы-экспериенцер* и *мы-каузатор*, и не относящийся к кластеру *я-каузатор*.

Рис. 2. Результаты кластеризации данных каузативно-эмотивного анализа. На оси абсцисс показаны расстояния между объектами, красная линия обозначает эмпирически вычисленную границу включения объекта в кластер.

Причину отделенности *я-каузатора* от других субъектов эмоциональных ситуаций можно установить на основании данных рис. 1, который демонстрирует специфическое для него преобладание сочетаний с негативами, причем 70% всех связей приходится на три из них: *оскорблять* (46%), *обижать* (20%), *пугать* (5%). В то же время в тройку

наиболее частотных для я-экспериенцера входят нейтральные эмотивы удивлять (22%), интересовать (17%) и позитив восхищать (10%). Имеющие с ним статистически значимое сходство мы-каузатор и мы-экспериенцер характеризуются сочетаниями с пугать (19%), оскорблять (13%) и радовать (11%) для первого и радовать (25%), пугать (16%), интересовать (9%) – для второго.

Судя по характеру эмоциональных ситуаций с участием я-каузатора и я-экспериенцера, первый из них выполняет функции концентрации «теневых» (в юнгианском смысле слова [9]) свойств субъекта и организации либо контакта с ними в форме принятия на себя ответственности за порицаемое поведение (*я имею право оскорблять жену NN!; если я кого-то оскорбил, то извините*), либо защитного непризнания своих предосудительных действий и намерений посредством их отрицания (*никого я не оскорбил, я просто написал факты; обидеть я точно вас не хотел*). Эмоциональность я-экспериенцера на этом фоне выглядит более позитивно и разнообразно: *меня вообще удивляет его присутствие в качестве эксперта; именно этот выпуск у меня вызвал заинтересованность; дорогие вы наши, я восхищаюсь вами*. В целом, с учетом высокого общего количества относящихся к нему эмотивных конструкций и преобладания упоминаний энергетизирующих нейтральных и позитивных эмоций по сравнению с энергозатратными отрицательными, я-экспериенцер может быть охарактеризован как наиболее аффективно заряженный и витальный из обсуждаемых субъектов эмоциональных ситуаций, что соответствует его статусу коммуникативной проекции первичной аффективной реальности адресанта.

Технически объединение в один кластер происходит на основе оценки подобия паттернов связей вошедших в него мы-экспериенцера, мы-каузатора и я-экспериенцера с определенными эмотивами, что

подразумевает высокую частотность участия перечисленных субъектов в сходных эмоциональных ситуациях, а следовательно, слабую дифференцированность «эмоционирующего я» и моделируемого «эмоционального мы». Проницаемые границы между ними создают условия для свободной диффузии эмоционального содержания. С учетом же высокой эмоциональной напряженности я-экспериенцера наиболее вероятной представляется направленность движения аффективного содержания от я-экспериенцера к *мы*, что и служит основой для осуществления приписывания собственных переживаний адресанта множественному субъекту. При этом *мы*-экспериенцер и *мы*-каузатор по общему рисунку своих связей с каузативными эмотивами оказываются очень близки друг другу, поэтому различия между ними в процессе приписывания эмоций могут игнорироваться. Иными словами, для адресанта возможность распространить собственные переживания (*меня пугает*) на обобщенное *мы* является в целом более психологически значимым по сравнению с различием между позициями носителя и причины переживания (*мы пугаем / нас пугает*). Таким образом, средствами каузативно-эмотивного анализа выявляется возможность «растворения субъекта» эмоционального состояния в форме утраты границ не только между *я* и *мы*, но и между переживающим и причиной его переживания.

Заключение

Полученные в ходе исследования данные позволяют подтвердить выдвинутое предположение о том, что *мы*-субъектность эмотивных конструкций может рассматриваться как результат приписывания эмоций, то есть распространения аффективного содержания я-экспериенцера на

множественный субъект *мы*. Я в роли каузатора в исследуемом текстовом материале резко противопоставляется другим описанным в настоящей работе субъектам за счет вовлечения в эмоциональные ситуации, связанные с негативными моральными чувствами (самоприписывание или отвержение намерения или факта причинения оскорбления и обиды).

В методическом плане проведенное исследование продемонстрировало способность каузативно-эмотивного анализа, реализованного в инструменте TITANIS, проследить процессы, протекающие в глубинных слоях психики, имеющих отношение к защитным механизмам и таким архаичным формам отражения, в которых «я» не отделено от «не-я», а переживание от его причин.

Литература

1. *Андреева Т.В.* Семейная психология: Учеб. пособие. – СПб.: Речь, 2004. 244 с.
2. *Веккер Л.М.* Психика и реальность: единая теория психических процессов. – М.: Смысл, 1998. – 685 с.
3. *Викторова Е.Ю.* Авторизующие конструкции самоупоминания в оценочном научном дискурсе // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Филология. Журналистика, 2022. – Т. 22. – № 2. – С. 145-150. DOI: 10.18500/1817-7115-2022-22-2-145-150
4. *Гранева И.Ю.* Местоимение «Мы» в аспекте проблемы языкового манипулирования сознанием // Вестник Вятского государственного университета, 2008. – Т. 2. – № 2. – С. 16–19.
5. *Ениколопов С.Н., Кузнецова Ю.М., Чудова Н.В.* Исследование атрибуции агрессии по мимике с помощью компьютерной методики РЭМ // Прикладная юридическая психология, 2013. – № 2. – С. 55–64.

6. *Иосилевич Н.В.* Особенности выражения эго-категории в прозе // Балтийский гуманитарный журнал, 2017. – Т. 6. – № 4 (21). – С. 94-97.

7. *Каменский П.И.* Сопряженность специфики межличностной зависимости и субъективного благополучия во взрослости // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика, 2019. – Т. 25. – № 2. – С. 41-45. DOI: 10.34216/2073-1426-2019-25-2-41-45

8. *Колесникова Н.И.* Что важно знать о языке и стиле научных текстов // Высшее образование в России, 2010. – № 3. – С. 130-137.

9. *Коркунова О.В., Бушуева Т.И.* Роль Тени как структурного компонента личности // Logos et Praxis, 2017. – Т. 16. – № 2. – С. 24-34. DOI: 10.15688/lp.jvolsu.2017.2.3

10. *Крапивкина О.А.* Прагматический потенциал местоимения мы в юридических дискурсивных практиках // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки, 2018. – № 3. – С. 90-98. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2018.3.90

11. *Лассан Э.Р.* О некоторых тенденциях в грамматике текста на электронных новостных порталах: «растворение» субъекта // Медиалингвистика, 2020. – № 7 (4). – С. 396-408. DOI: 10.21638/spbu22.2020.402

12. *Малюга Е.Н.* Новые тенденции англоязычного научного дискурса: вопросы актуальности исследования и языковой идентичности // Вестник Том. гос. ун-та. Филология. – № 58, 2019. – С. 52-70. DOI: 10.17223/19986645/58/4

13. *Мартемьянова Е.А.* Репрезентация эмотивных ситуаций с множественны субъектом состояния в современном англоязычном тексте. А/р. дисс. ... канд. филол. наук. – СПб., 2015. – 18 с.

14. Мишина Г.А., Баева А.А. Новообразование кризиса новорожденности «пра-мы» как источник личностного развития // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование», 2018. – № 1 (11). С. 117–126. DOI: 10.28995/2073-6398-2018-1-117-126

15. Москаленко В.Д. Зависимость: семейная болезнь. 2-е изд., перераб.и доп. – М.: ПЕРСЭ, 2004. – 336 с.

16. Норман Б.Ю. Русское местоимение МЫ: внутренняя драматургия // Russian Linguistics, 2000. – Т. 26. – № 2. – С. 217-234.

17. Норман Б.Ю., Плотникова А.М. Конструкции с местоимением мы: формирование актуальной илиokkaзиональной коллективной идентичности // Science for Education Today, 2016. – № 6 (34). – С. 126-138. DOI: 10.15293/2226-3365.1606.10

18. Нуркова В.В. Культурное развитие эмпатии-отождествления и эмпатии-моделирования // Национальный психологический журнал, 2020. – № 4 (40). – С. 3-17. DOI: 10.11621/npj.2020.0401

19. Нуркова В.В. Эмпатия-отождествление и эмпатия-моделирование: о культурном конструировании двух модусов совместной деятельности / В. В. Нуркова // Вопросы психологии, 2020. – Т. 66. – №3. – С. 3-13.

20. Рягузова Е.В. Психологические риски ингрупповых интеракций // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Акмеология образования. Психология развития, 2011. – Т. 4. – № 2. – С. 18-22.

21. Сигаева Е. Речевые парадоксы: Мы, Ты или все-таки Я? [Электронный ресурс]. URL: <https://www.b17.ru/article/5993/> (Дата обращения: 10.12.2022).

22. Синельникова Л.Н. Дискурсивная семантика личных местоимений // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация, 2020. – № 2. – С. 21–28. DOI: [10.17308/lic.2020.2/2829](https://doi.org/10.17308/lic.2020.2/2829)

23. Синельникова Л.Н. Местоимение в дискурсе. – Луганск: График. – 2008. – 476 с.

24. Соловьева Н.В. Употребление личных местоимений в научных статьях: «яканье» или «мыканье» // Филология в XXI веке, 2021. – № 1 (7). – С. 66–74.

25. Химик В.В. Категория субъективности и ее выражение в русском языке. –1990. – Л.: ЛГУ. – 180 с.

26. Hyland K. Authority and invisibility: authorial identity in academic writing. *Journal of Pragmatics*, 2002, 34, 8: 1091–1112.

27. Smirnov, I., Stankevich, M., Kuznetsova, Yu., Suvorova, M., Larionov, D., Nikitina, E., Savelov, M., & Grigoriev, O. TITANIS: A tool for intelligent text analysis in social media. In: S.M. Kovalev, S.O. Kuznetsov, A.I. Panov (eds.) *Artificial Intelligence. RCAI 2021. Lecture Notes in Computer Science*, Springer, Cham, 2021, 12948: 232–247. DOI: 10.1007/978-3-030-86855-0_16

References

1. Andreeva T.V. *Semejnaja psihologija: Ucheb. posobie.* – SPb.: Rech', 2004. 244 s.

2. Vekker L.M. *Psihika i real'nost': edinaja teorija psihicheskikh processov.* – M.: Smysl, 1998. – 685 s.

3. Viktorova E.Ju. Avtorizujushhie konstrukcii samoupominanija v ocenochnom nauchnom diskurse // *Izvestija Saratovskogo universiteta. Novaja serija. Serija Filologija. Zhurnalistika*, 2022. – Т. 22. – № 2. – С. 145-150. DOI: 10.18500/1817-7115-2022-22-2-145-150

4. Graneva I.Ju. Mestoimenie «Мы» v aspekte problemy jazykovogo manipulirovanija soznaniem // *Vestnik Vjatskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2008. – Т. 2. – № 2. – С. 16–19.

5. *Enikolopov S.N., Kuznecova Ju.M., Chudova N.V.* Issledovanie atribucii agressii po mimike s pomoshh'ju komp'juternoj metodiki RJeM // Prikladnaja juridicheskaja psihologija, 2013. – № 2. – S. 55–64.

6. *Iosilevich N.V.* Osobennosti vyrazhenija jego-kategorii v proze // Baltijskij gumanitarnyj zhurnal, 2017. – T. 6. – № 4 (21). – S. 94-97.

7. *Kamenskij P.I.* Sopryazhennost' specifiki mezhlichnostnoj zavisimosti i sub#ektivnogo blagopoluchija vo vzroslosti // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Pedagogika. Psihologija. Sociokinetika, 2019. – T. 25. – № 2. – S. 41–45. DOI: 10.34216/2073-1426-2019-25-2-41-45

8. *Kolesnikova N.I.* Chto vazhno znat' o jazyke i stile nauchnyh tekstov // Vysshee obrazovanie v Rossii, 2010. – № 3. – S. 130-137.

9. *Korkunova O.V., Bushueva T.I.* Rol' Teni kak strukturnogo komponenta lichnosti // Logos et Praxis, 2017. – T. 16. – № 2. – S. 24–34. DOI: 10.15688/lp.jvolsu.2017.2.3

10. *Krapivkina O.A.* Pragmaticheskij potencial mestoimenija my v juridicheskikh diskursivnyh praktikah // Vestn. Sev. (Arktich.) feder. un-ta. Ser.: Gumanit. i soc. nauki, 2018. – № 3. – S. 90–98. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2018.3.90

11. *Lassan Je.R.* O nekotoryh tendencijah v grammatike teksta na jelektronnyh novostnyh portalah: «rastvorenije» sub#ekta // Medialingvistika, 2020. – № 7 (4). – S. 396–408. DOI: 10.21638/spbu22.2020.402

12. *Maljuga E.N.* Novye tendencii anglojazыchnogo nauchnogo diskursa: voprosy aktual'nosti issledovanija i jazыkovoј identichnosti // Vestnik Tom. gos. un-ta. Filologija. – № 58, 2019. – S. 52–70. DOI: 10.17223/19986645/58/4

13. *Martem'janova E.A.* Reprеzentacija jеmotivnyh situacij s mnozhestvenny sub#ektom sostojanija v sovremennom anglojazыchnom tekste. A/r. diss. ... kand. filol. nauk. – SPb., 2015. – 18 s.

14. *Mishina G.A., Baeva A.A.* Novoobrazovanie krizisa novorozhdennosti «pra-my» kak istochnik lichnostnogo razvitija // Vestnik RGGU. Serija «Psihologija. Pedagogika. Obrazovanie», 2018. – № 1 (11). S. 117–126. DOI: 10.28995/2073-6398-2018-1-117-126
15. *Moskalenko V.D.* Zavisimost': semejnaja bolezni'. 2-e izd., pererab.i dop. – M.: PERSJe, 2004. – 336 s.
16. *Norman B.Ju.* Russkoe mestoimenie MY: vnutrennjaja dramaturgija // Russian Linguistics, 2000. – T. 26. – № 2. – S. 217-234.
17. *Norman B.Ju., Plotnikova A.M.* Konstrukcii s mestoimeniem my: formirovanie aktual'noj ili okkazional'noj kollektivnoj identichnosti // Science for Education Today, 2016. – № 6 (34). – S. 126-138. DOI: 10.15293/2226-3365.1606.10
18. *Nurkova V.V.* Kul'turnoe razvitie jempatii-otozhdestvlenija i jempatii-modelirovanija // Nacional'nyj psihologicheskij zhurnal, 2020. – № 4 (40). – S. 3-17. DOI: 10.11621/npj.2020.0401
19. *Nurkova V.V.* Jempatija-otozhdestvlenie i jempatija-modelirovanie: o kul'turnom konstruirovanii dvuh modusov sovmestnoj dejatel'nosti / V. V. Nurkova // Voprosy psihologii, 2020. – T. 66. – №3. – S. 3-13.
20. *Rjaguzova E.V.* Psihologicheskie riski ingruppovyh interakcij // Izvestija Saratovskogo universiteta. Novaja serija. Serija Akmeologija obrazovanija. Psihologija razvitija, 2011. – T. 4. – № 2. – S. 18-22.
21. *Sigaeva E.* Rechevye paradoksy: My, Ty ili vse-taki Ja? [Elektronnyj resurs]. URL: <https://www.b17.ru/article/5993/> (Data obrashhenija: 10.12.2022).
22. *Sinel'nikova L.N.* Diskursivnaja semantika lichnyh mestoimenij // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Lingvistika i mezhkul'turnaja kommunikacija, 2020. – № 2. – S. 21–28. DOI: 10.17308/lic.2020.2/2829

23. *Sinel'nikova L.N.* Mestoimenie v diskurse. – Lugansk: Grafik. – 2008. – 476 s.

24. *Solov'eva N.V.* Upotreblenie lichnyh mestoimenij v nauchnyh stat'jah: «jakan'e» ili «mykan'e» // *Filologija v XXI veke*, 2021. – № 1 (7). – S. 66–74.

25. *Himik V.V.* Kategorija sub#ektivnosti i ee vyrazhenie v rusском jazyke. –1990. – L.: LGU. – 180 s.

26. *Hyland K.* Authority and invisibility: authorial identity in academic writing. *Journal of Pragmatics*, 2002, 34, 8: 1091–1112.

27. *Smirnov, I., Stankevich, M., Kuznetsova, Yu., Suvorova, M., Larionov, D., Nikitina, E., Savelov, M., & Grigoriev O.* TITANIS: A tool for intelligent text analysis in social media. In: S.M. Kovalev, S.O. Kuznetsov, A.I. Panov (eds.) *Artificial Intelligence. RCAI 2021. Lecture Notes in Computer Science*, Springer, Cham, 2021, 12948: 232–247. DOI: 10.1007/978-3-030-86855-0_16

УДК 81'23

В.А. Серов

Московский государственный лингвистический университет им.

Мориса Тореза

119034, Остоженка, 38

Москва, Россия

vladserov1805@mail.ru

ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ НОМИНАЦИЙ ПУНКТОВ ОБЩЕСТВЕННОГО ПИТАНИЯ В РУСЛЕ КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Аннотация. В ходе данного исследования мы проводим детальный анализ широкого спектра вопросов, которые тесно переплетены с проблематикой номинации заведений общественного питания в рамках современного русского, английского и французского языков. В когнитивной лингвистике одним из основополагающих элементов, безусловно, является концепт. Под этим термином понимается категория мышления, что предоставляет огромный объем возможностей для его интерпретации. Концепт, стоящий на стыке различных дисциплин, пронизан следами философских, психологических и культурологических толкований. Основная цель данной работы заключается в тщательном анализе общих и различающихся характеристик в процессе номинации заведений общественного питания в контексте русской, английской и французской лингвокультур. Для того, чтобы достигнуть этой цели, перед исследователем стоит первостепенная задача: отыскать лексические единицы, которые объективно отражают данный концепт. Тот набор языковых инструментов, который служит вербализацией концепта в определенный исторический период развития общества, определяется как его номинативное поле.

Результаты нашего исследования позволяют констатировать, что лексические единицы в качестве вербализаторов концепта ПУНКТ ОБЩЕСТВЕННОГО ПИТАНИЯ в русской, английской и французской лингвокультурах демонстрируют значительное совпадение. Семантика рассматриваемых единиц номинации подтверждает наличие изоморфных и алломорфных черт, что обусловлено влиянием специфических лингвокультурных факторов.

Ключевые слова: концепт, номинация, лексическая единица.

V. Serov

PROSPECTS FOR THE STUDY OF NOMINATIONS OF CATERING POINTS IN THE FRAMEWORK OF COGNITIVE LINGUISTICS

Annotation. This study examines a range of issues related to the problems of nomination of catering points in modern Russian, English and French languages. One of the key elements in cognitive linguistics is the notion of the concept. The concept is a thinking category, which gives considerable space for its interpretation. The concept appears in modern interdisciplinary research and bears the traces of philosophical, psychological and cultural interpretations.

The aim of the work is to reveal similar and distinctive features in the nomination of public catering points in Russian, English and French linguocultures. The primary task of a researcher

of a particular concept is to find lexical units objectifying it. The totality of linguistic means, verbalizing a concept in a certain period of society development, is defined as its nominative field. The results of the study show that lexical units as verbalizers of the catering points concept in Russian, English and French linguocultures partially overlap. The semantics of these nomination terms proves the presence of isomorphic and allomorphic features, which can be explained by linguocultural factors.

Key words: concept, nomination, lexical unit.

Номинация в контексте когнитивной лингвистики принимает важное значение, обеспечивая глубокий пласт междисциплинарных исследований. Этот процесс не просто обозначает названия объектов окружающей реальности, но и воплощает обширный спектр когнитивных структур, отражающих специфические установки, взгляды и ценностные ориентиры определенной лингвокультурной общности. Номинация как явление представляет собой мост между концептуальным миром и языковой системой, тем самым, открывая перспективу на изучение таких сложных категорий, как ментальные модели, идеологии, стереотипы и культурные сценарии. Это отражает, как наборы знаний и опыта определяют нашу способность распознавать и категоризировать мир, а также влияют на то, как мы используем язык для его описания и интерпретации.

Основываясь на принципах когнитивной семантики, процесс номинации отражает наши субъективные представления о мире, поскольку мы ассоциируем определенные концепты с конкретными лексическими единицами. Это подчеркивает, что номинация не просто передает знание об объекте, но и усиливает связи между ментальным пониманием мира и языком.

Как ключевая сфера применения когнитивной лингвистики, номинация играет существенную роль в понимании различий и сходств между лингвокультурными общностями. Процесс номинации освещает, как наши когнитивные структуры и культурные понятия влияют на выбор и использование лексических единиц, что в свою очередь может

предоставить сведения о том, как мы понимаем и интерпретируем мир вокруг нас.

Особое внимание в этом контексте следует уделить номинации пунктов общественного питания. Это обширное поле исследований заслуживает внимания из-за семантической глубины и социокультурной релевантности. Лексемы, обозначающие такие места, как «бар», «кафе», «ресторан», «закусочная» и др.; "pub", "café" и "restaurant" в английском, или "le bar", "le café", "le restaurant" во французском языке, отражают не только пункты общественного питания, но и связанные с ними культурные концепции и сценарии. Данные лексические единицы правомерно изучать в аспекте когнитивной лингвистики.

Ключевым понятием когнитивной лингвистики является понятие концепта. Концепт – это фундаментальные структуры когнитивной лингвистики, которые служат пересечением наших умственных процессов и языковых структур. В широком смысле концепт является носителем и обобщителем знания, формирующим его через опыт и культурный контекст. Е.С. Кубрякова дает определение концепта, как оперативной единицы памяти, «ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга, всей картины мира, квант знания. Самые важные концепты выражены в языке» [8, с. 34-47].

Совокупность всех слов или выражений, которые используются в языке для обозначения концепта, определяется как номинативное поле концепта [10].

Концепт в качестве лингвокогнитивной структуры представляет собой модуль умственных или эмоциональных активов нашего сознания и информационного конструкта, отражающего знания и опыт индивидуума. Этот блок памяти воплощает глобальное представление мира [11, с. 23]. Нельзя не упомянуть и о лингвокультурном аспекте когнитивного

механизма получения, обработки, хранения и передачи информации о пунктах общественного питания.

Номинации пунктов общественного питания нами рассматриваются как вербализаторы соответствующего концепта как маркера русской, английской и французской лингвокультур. Несмотря на сильные глобализационные тенденции в данной сфере человеческого общества, что проявляется в большом количестве заимствованной лексики, всё же нами фиксируются случаи несоответствия семантики данных единиц в рассматриваемых лингвокультурах. Отмеченные случаи отражаются в совпадении, частичном и полном несовпадении объема и структуры концепта ПУНКТ ОБЩЕСТВЕННОГО ПИТАНИЯ на материале русского, английского и французского языков. Гипотеза нашего исследования заключается в том, что лексические единицы как вербализаторы концепта ПУНКТ ОБЩЕСТВЕННОГО ПИТАНИЯ в русской, английской и французской лингвокультурах пересекаются по своей семантике, как правило, частично.

Взаимосвязь языка и культуры представляет собой сложное и многоаспектное поле исследований. Данная взаимосвязь основывается на принципе неразрывности, что проистекает из когнитивной и социокультурной природы обоих этих явлений.

Язык – это не просто средство коммуникации; он также служит инструментом мышления и восприятия, в значительной степени формируя наши когнитивные процессы и умственные структуры. Язык и культура взаимно влияют друг на друга, и язык выступает в роли основного средства передачи и сохранения культурных знаний и ценностей.

С одной стороны, язык олицетворяет культуру, включая ее идеи, традиции и ценности. Это проявляется в различных культурно-специфических лексических единицах, идиомах, пословицах и обычаях,

которые служат отражением уникальных аспектов культуры, в которой они были сформированы.

С другой стороны, культура влияет на язык, формируя его структуру и семантику. Культура может вносить изменения в языковые конвенции, нормы и практики. Примером может служить гипотеза лингвистической относительности, которая утверждает, что структура языка может влиять на наше мышление и восприятие мира.

Подчеркнем, что язык и культура неразрывно связаны. Они формируют и поддерживают друг друга, представляя собой две стороны одного и того же явления – человеческой коммуникации и интерпретации мира. Следовательно, анализ любого языка неполон без учета соответствующего культурного контекста, так же как и изучение культуры не может быть полным без учета языка, который служит ее основным транслятором и средством выражения. Вильгельм Гумбольдт в свое время выделил некий компонент в когнитивно-рефлексивном пространстве, который служил посредником между человеком и объективной реальностью [6]. Стоит также принимать во внимание, что культурные феномены подвержены типизации в контексте национальных культур, этносов и культур конкретных социальных страт [9, с. 29].

Под действием уникальных характеристик принимающей культуры, языковая система формирует индивидуальные механизмы номинации и придает заимствованным единицам специфические свойства, поскольку "лингвокультура неизбежно сталкивается с задачей категоризации и концептуализации глубоко укорененных, имманентно свойственных понятий" [1]. В этом контексте, первичное значение в концептуально-валерной системе донора может расходиться с ассоциативной референцией в принимающей системе.

Возьмем, для примера, лексическую единицу «ресторан». Малый Академический Словарь классифицирует лексему как предприятие общественного питания, где можно заказать различные виды дорогой пищи и напитков, а также помещения предприятий [12]. ГОСТ 30389-95 профилирует схожие аспекты данной лексики [2]. В то же время, в британском английском данная языковая единица не содержит профилирования на размерах предприятия, ассортименте товаров, а выдвигает локацию на передний план в аспекте её семантики. Так, Cambridge English Dictionary определяет "restaurant" как место, где можно купить и съесть еду [14]. Collins English Dictionary дает следующее определение той же лексеме [15]. Merriam-Webster как наиболее авторитетный словарь американского варианта английского языка определяет ресторан как коммерческое предприятие, где можно купить еду и напитки [18].

Во французском же языке, согласно словарю LAROUSSE, "le restaurant" имеет схожее с английским вариантом определение и означает "Établissement commercial où l'on sert des repas contre paiement", то есть коммерческое предприятие, где за оплату подается питание [16]. Таким образом, французское определение ресторана максимально схоже с американским, а именно имеет классификацию заведения, коммерческую направленность и не дает ассортимента подаваемой еды, как и размеров и обустройства ресторана, в отличие от русского, где ресторан обладает широким ассортиментом блюд.

Лексическая единица «кафе», согласно Малому Академическому Словарю, в русском языке обозначает небольшой ресторан, где подаются чай, кофе, закуски и тому подобное [12]. ГОСТ 30389-95, вместо размеров заведения, профилирует ограниченный в сравнении с рестораном ассортимент продукции [2].

В английском же языке, согласно словарю Collins, "cafe" означает место, где можно купить напитки, простые блюда и закуски, но в Великобритании, как правило, в таких заведениях не продаются алкогольные напитки [15]. По версии словаря Cambridge English Dictionary "cafe" это ресторан, где подают простые и обычно довольно дешевые блюда [14].

Merriam-Webster определяет лексему как небольшое неформальное заведение, где подают различные напитки, такие как кофе [18].

Во французском языке "le café", согласно словарю LAROUSSE, это "Établissement où l'on consomme des boissons" [16], то есть заведение, где употребляют напитки.

Следовательно, в русском языке делается акцент на размерах заведения и его ограниченном ассортименте, то английском языке размеры заведения не упоминаются, но говорится о простоте и дешевизне блюд. Во французском же языке не упоминается о размерах заведения, но указывается возможность насладиться напитками.

Лексическая единица «кафетерий», согласно Малому Академическому Словарю, является родом кафе, обычно с самообслуживанием [12].

Согласно словарю американского английского Merriam-Webster, "cafeteria" это ресторан, в котором клиенты обслуживают сами себя, а еду приносят к столикам, чтобы поесть [18]. В Cambridge English Dictionary также профилируется специфику самообслуживания, но упоминается, что такие заведения распространены в колледжах и офисных зданиях [14].

Французский же словарь leRobert дает следующее определение лексической единицы "cafétéria" как "Lieu public, souvent en libre-service, où l'on sert du café, des boissons non alcoolisées, des plats très simples, etc" [17], то есть общественное место, часто с системой самообслуживания, где подают кофе, безалкогольные напитки, очень простые блюда.

Итак, в русском языке единица номинации «кафетерий» обладает семантикой, отличной от его соответствий в английском и французском языках. Так, в английском языке профилируется определенный ассортимент в виде еды и напитков, а также отличается его базовая принадлежность. Во французском языке также отличается классификационная составляющая, но уточняется тип напитков и отмечается легкость приготовления блюд.

В русском языке ГОСТ Р 50647-2010 профилирует лексему «кофейня» как предприятие питания, где продают широкий ассортимент горячих напитков, а также хлебобулочных и кондитерских изделий [3].

Согласно Малому Академическому Словарю Евгеньевой и толковому словарю Ушакова, это – «заведение, где посетители пьют кофе» [12, 13]. Воспользовавшись тезаурусом Ruwordnet [20] и вышеперечисленными словарями можно сделать вывод, что кофейня – это кафе с акцентом на наиболее часто потребляемом напитке, но, согласно ГОСТу, не ограничивается его продажей.

В английском же языке концептуально-семантическим аналогом лексики «кофейня», согласно Новому Большому англо-русскому словарю Ю.Д. Апресяна, является "coffee house" [9]. Согласно словарю Collins, это вид бара, где люди могут сесть и поговорить друг с другом, попивая кофе [15]. В словаре Cambridge English Dictionary данная единица определяется как ресторан, особенно в центральной и северной Европе, где люди пьют кофе или другие напитки, едят пирожные и легкие закуски [14]. Merriam-Webster дает схожее с версией Collins определение [18].

Во французском языке, по версии словаря Collins, семантическим аналогом «кофейни» и "coffee house" является "le cafe" [15].

Так, в русском языке лексема «кофейня» имеет отличную от английской лингвокультуры базовую классификацию и, в отличие от

английского не уточняется, что данный тип заведений можно использовать как место встречи для общения. Стоит отметить, что в русском языке «кофейня» не является ни баром, ни рестораном, как в английском. Кроме того, в семантике английской лексики отмечается, что там можно купить такую продукцию, как табачные и кондитерские изделия.

Согласно словарю иностранных слов современного русского языка Т.В. Егоровой, бар это небольшой ресторан, где имеется стойка, у которой можно пить и есть [7].

Малый академический словарь Евгеньевой дает схожее определение [8].

Согласно ГОСТу Р 50762-2007, бар – это предприятие общественного питания, оборудованное барной стойкой и реализующее в зависимости от специализации алкогольные и (или) безалкогольные напитки, горячие и прохладительные напитки, коктейли, холодные и горячие закуски и блюда в ограниченном ассортименте, покупные товары [4].

Итак, в русском языке «бар» – это ресторан и закусочная со стойкой, где акцент делается на алкогольных и безалкогольных напитках, но где можно и поесть, и попить.

В британском варианте английского языка, согласно словарю Collins, "bar" – это комната в пабе или отеле, где подают алкогольные напитки, в то время как в США это место, где можно купить и выпить алкогольные напитки [15].

Merriam-Webster определяет данный тип заведения как помещение или заведение, где подают алкогольные напитки, а иногда и еду [18].

Следовательно, в английском языке «бар» имеет отличную от русского классификацию заведения, но схожий ассортимент еды.

В словаре французского языка LAROUSSE указано, что "le bar" подается как "Débit de boissons où les consommateurs se tiennent debout ou

assis sur de hauts tabourets devant un comptoir" [16], то есть питейное заведение, где потребители стоят или сидят на высоких табуретках перед стойкой, а также "Lieu où l'on consomme des boissons, dans un théâtre, un hôtel, etc", то есть место, где употребляют напитки, например: в театре, в гостинице и так далее.

Во французском языке «бар» характеризуется профилированием семантики данной лексемы, отличным от русского и английского, не уточняя при этом тип напитков, но делая акцент на том, что за стойкой можно как постоять, так и посидеть.

Согласно этимологическому онлайн словарю Etymoonline, изначально "pub" обозначало место ночлега, где предлагалась еда, эль, вино и прочие спиртные напитки [19]. Сейчас же, по версии словаря Collins, это здание, где люди могут выпить, в основном, алкогольные напитки и поговорить с друзьями [15]. Во многих пабах также подают еду. На распространенность этого явления в Великобритании и Северной Ирландии указывает Кэмбриджский словарь [14].

На британскую специфику указывает и французский словарь Larousse, где указано, что "le pub" это "café dont le décor imite celui des pubs anglais", то есть кафе, где декор выполнен в стиле типичного английского паба [16].

В русском языке лексема «паб» закрепились в значении "пивная, бар", на что указывает словарь иностранных слов Егоровой [7].

Таким образом, если во французском языке лексическая единица «паб» имеет английскую специфику без уточнения того, что здесь можно посидеть поговорить, то в русском оно закрепились в значении пивной, без уточнения национальной специфики и возможности провести там беседу.

Но есть и примеры, которые не отличаются, либо частично отличаются по семантике в ряде исследованных языков.

К таким лексическим единицам можно отнести, к примеру, столовую, которая, согласно ГОСТу Р 50647–94, является предприятием общественного питания, которое реализует блюда в соответствии с разнообразным по дням меню [5].

На то же указывает и словарь Collins, согласно которому "canteen" является местом на фабрике, в магазине или колледже, где обедают люди, которые там работают или учатся [15].

Французское "cantine", по версии LAROUSSE, это – "Service chargé de la préparation des repas pour les ouvriers ou les employés d'un même établissement, les élèves d'une école, etc" [16], то есть предприятие, отвечающее за приготовление еды для рабочих или служащих этого же учреждения, учеников школы и т.д.

Список вербализаторов концепта ПУНКТ ОБЩЕСТВЕННОГО ПИТАНИЯ включает и целый ряд других единиц. К примеру, лексическая единица «киоск» это, согласно словарю иностранных слов Егоровой, это небольшая постройка на улицах, вокзалах, предназначенная для мелкой розничной торговли [7].

Данная лексическая единица имеет схожую семантику и в английском, но с некоторыми отличиями. К примеру, в словаре английского языка Collins говорится, что, киоск – это небольшое здание, в котором люди могут покупать сэндвичи и газеты через открытое окно [15]. В Cambridge English Dictionary дается схожее определение, но упоминается, что помимо газет можно купить шоколад и напитки [14]. Следовательно, в английском языке ассортимент продаваемой продукции более узок.

Тем не менее, во французском языке "le kiosque", согласно словарю LAROUSSE, это "Petite boutique sur la voie publique, édicule pour la vente de journaux, de fleurs, etc." [16], то есть отличается не только ассортимент

продаваемой продукции, но и сама базовая принадлежность данной лексемы.

Результаты исследования демонстрируют, что лексические единицы как вербализаторы концепта ПУНКТ ОБЩЕСТВЕННОГО ПИТАНИЯ в русской, английской и французской лингвокультурах в основном частично пересекаются. Семантика рассмотренных единиц номинации может совпадать, а может и отличаться в силу различных лингвокультурных факторов.

Литература

1. Бредихин С.Н., Сидоренко С.Г. Ноэматическая и семантическая адаптация английских заимствований в современном русском языке // Современные проблемы науки и образования, 2015. – №1. URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=17525>
2. ГОСТ 30389-95/ГОСТ Р 50762-95 [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1200008309> (дата обращения: 16.12.22)
3. ГОСТ Р 50647-2010 [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1200084757> (дата обращения: 16.12.22)
4. ГОСТ Р 50762-2007 [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1200063236> (дата обращения: 16.12.22)
5. ГОСТ Р 50647-94 [Электронный ресурс]. URL: <https://internet-law.ru/gosts/gost/9833> (дата обращения: 16.12.22)
6. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. – М.: Прогресс, 1984. – 397 с.
7. Егорова Т.В. Словарь иностранных слов современного русского языка / Т.В. Егорова; сост. Т.В. Егорова. – М.: Аделант, 2014. – 800 с.
8. Кубрякова Е.С. Начальные этапы становления когнитивизма: лингвистика – психология – когнитивная наука // ВЯ, 1994. – № 4 – С. 34-47.

9. Новый большой англо-русский словарь. В 3-х т. / ред. Апресян Ю.Д., Медникова Э.М. – М.: Русский язык, 1993-1994 г. – 2400 с.
10. Попова З.Д. Семантико-когнитивный анализ языка: Научное издание // З.Д. Попова, И.А. Стернин. – Воронеж: Истоки, 2007. – 252 с.
11. Прохоров Ю.Е. В поисках концепта / Ю.Е. Прохоров. – 2-е изд. – М.: Флинта: Наука, 2009. – 176 с.
12. Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; Под ред. А. П. Евгеньевой. – 4-е изд., стер. – М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. – 702 с.
13. Ушаков Д.Н. Словарь русского языка в четырех томах [Электронный ресурс]. URL: <http://feb-web.ru/feb/ushakov/ush-abc/11/us1e9020.htm?cmd=0&istext=1> (дата обращения: 16.12.22)
14. Cambridge Dictionary [Электронный ресурс]. URL: <https://dictionary.cambridge.org> (дата обращения: 16.12.22)
15. Collins Dictionary [Электронный ресурс]. URL: <https://www.collinsdictionary.com> (дата обращения: 16.12.22)
16. Larousse [Электронный ресурс]. URL: <https://www.larousse.fr> (дата обращения: 16.12.22)
17. Le Robert [Электронный ресурс]. URL: <https://dictionnaire.lerobert.com> (дата обращения: 16.12.22)
18. Merriam-Webster Dictionary [Электронный ресурс]. URL: <https://www.merriam-webster.com> (дата обращения: 16.12.22)
19. Online Etymology Dictionary [Электронный ресурс]. URL: <https://www.etymonline.com> (дата обращения: 16.12.22)
20. RuWordNet [Электронный ресурс]. URL: <https://ruwordnet.ru/ru/search/%D0%BA%D0%BE%D1%84%D0%B5%D0%B9%D0%BD%D1%8F> (дата обращения: 16.12.22)

References

1. *Bredihin S.N., Sidorenko S.G.* Nojematicheskaja i semanticheskaja adaptacija anglijskih zaimstvovanij v sovremennom russkom jazyke // *Sovremennye problemy nauki i obrazovanija*, 2015. №1. URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=17525>
2. GOST 30389-95/GOST R 50762-95 [Jelektronnyj resurs]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1200008309> (data obrashhenija: 16.12.22)
3. GOST R 50647-2010 [Jelektronnyj resurs]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1200084757> (data obrashhenija: 16.12.22)
4. GOST R 50762-2007 [Jelektronnyj resurs]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1200063236> (data obrashhenija: 16.12.22)
5. GOST R 50647-94 [Jelektronnyj resurs]. URL: <https://internet-law.ru/gosts/gost/9833> (data obrashhenija: 16.12.22)
6. *Gumbol'dt V. fon.* Izbrannye trudy po jazykoznaniju. – M.: Progress, 1984. – 397 s.
7. *Egorova T.V.* Slovar' inostrannyh slov sovremennogo russkogo jazyka / T.V. Egorova; sost. T.V. Egorova. – M.: Adelant, 2014. – 800 s.
8. *Kubrjakova E.S.* Nachal'nye jetapy stanovlenija kognitivizma: lingvistika – psihologija – kognitivnaja nauka // *VJa*, 1994. – № 4 – S. 34-47.
9. *Novyj bol'shoj anglo-russkij slovar'.* V 3-h t. / red. Apresjan Ju.D., Mednikova Je.M. – M.: Russkij jazyk, 1993-1994 g. – 2400 s.
10. *Popova Z.D.* Semantiko-kognitivnyj analiz jazyka: Nauchnoe izdanie // Z.D. Popova, I.A. Sternin. – Voronezh: Istoki, 2007. – 252 s.
11. *Prohorov Ju.E.* V poiskah koncepta / Ju.E. Prohorov. – 2-e izd. – M.: Flinta: Nauka, 2009. – 176s.
12. *Slovar' russkogo jazyka: V 4-h t.* / RAN, In-t lingvistich. issledovanij; Pod red. A. P. Evgen'evoj. – 4-e izd., ster. – M.: Rus. jaz.; Poligrafresursy, – 1999.

13. *Ushakov D.N.* Slovar' russkogo jazyka v chetyreh tomah [Jelektronnyj resurs]. URL: <http://feb-web.ru/feb/ushakov/ush-abc/11/us1e9020.htm?cmd=0&istext=1> (data obrashhenija: 16.12.22)
14. Cambridge Dictionary [Jelektronnyj resurs]. URL: <https://dictionary.cambridge.org> (data obrashhenija: 16.12.22)
15. Collins Dictionary [Jelektronnyj resurs]. URL: <https://www.collinsdictionary.com> (data obrashhenija: 16.12.22)
16. Larousse [Jelektronnyj resurs]. URL: <https://www.larousse.fr> (data obrashhenija: 16.12.22)
17. Le Robert [Jelektronnyj resurs]. URL: <https://dictionnaire.lerobert.com> (data obrashhenija: 16.12.22)
18. Merriam-Webster Dictionary [Jelektronnyj resurs]. URL: <https://www.merriam-webster.com> (data obrashhenija: 16.12.22)
19. Online Etymology Dictionary [Jelektronnyj resurs]. URL: <https://www.etymonline.com> (data obrashhenija: 16.12.22)
20. RuWordNet [Jelektronnyj resurs]. URL: <https://ruwordnet.ru/ru/search/%D0%BA%D0%BE%D1%84%D0%B5%D0%B9%D0%BD%D1%8F> (data obrashhenija: 16.12.22)

УДК 8; 81-13

К.В. Урсул

Российский государственный гуманитарный университет
125047, Миусская площадь, 6
Москва, Россия
ursul-16@mail.ru

В.И. Урсул

Московский государственный технический университет
им. Н.Э. Баумана
105005, 2-я Бауманская, 5, стр. 1
Москва, Россия
vitalii_ursul@mail.ru

МОДЕЛИРОВАНИЕ ДИНАМИКИ РЕЧЕВОГО ПОРТРЕТА ЛИЧНОСТИ СОВРЕМЕННОГО ПОЛИТИКА

Аннотация. В статье анализируется принцип динамичности языкового воздействия на аудиторию в процессе публичных выступлений политических деятелей для достижения поставленных перед ними коммуникативных целей и задач. Проводимый анализ раскрывает детали речевого портретирования личности политика. Вместе с тем на примере конкретных политических деятелей рассматриваются аспектуальные проявления языковой личности в различных ситуациях политического взаимодействия, подробно изучаются темпоральные проявления языковой личности в выступлениях политических деятелей. Таким образом, в процессе проводимого анализа при формировании и описании динамики взаимодействия составляющих речевого портрета политика авторы выделяют наряду со статичными элементами языкового портрета также ряд элементов динамического характера. В результате проведенного исследования на материале текстов выступлений современных политических деятелей ученые выстраивают универсальный каркас динамичной модели речевого портрета современного политика, суть которого сводится к тому, что он объединяет на одной платформе своеобразную дихотомию личностных характеристик оратора, постоянно находящихся в структурном противоборстве друг с другом и таким образом создающих уникальную комбинацию взаимодействия индивидуально-психологических характеристик личности с рядом совокупных экстралингвистических факторов в заданных ситуациях общения.

Ключевые слова: речевой портрет, политический дискурс, политический текст, имидж политика, коммуникативная функция.

**MODELING THE DYNAMICS OF THE SPEECH PORTRAIT OF A MODERN
POLITICIAN PERSONALITY**

Abstract. The article analyzes the principle of dynamic language impact on the audience in the process of public speeches of politicians in order to achieve their communicative goals and objectives. The analysis reveals the details of the speech portrait of the politician's personality. At the same time, on the example of specific political figures, aspectual manifestations of a linguistic personality in various situations of political interaction are considered, and temporal manifestations of a linguistic personality in the speeches of political figures are studied in detail. Thus, in the course of the analysis, when forming and describing the dynamics of the interaction between the components of the speech portrait of a politician, the authors identify, along with the static elements of the language portrait, a number of elements of a dynamic nature. As a result of the study, based on modern politicians speeches, scientists are building a universal framework for a dynamic model of a speech portrait of a modern politician, the essence of which is that it combines on one platform a kind of dichotomy of the speaker's personal characteristics that constantly confront each other thus creating a unique combination of interaction of individual psychological characteristics of a person with a number of cumulative extralinguistic factors in given situations of communication.

Key words: speech portrait, political discourse, political text, politician's image, communicative function.

В настоящее время процесс моделирования представляет собой одну из самых насущных задач во многих областях знаний, и в этой связи политическая лингвистика не является исключением. Именно данное относительно новое направление исследований требует внедрения дополнительных средств «укомплектования», упорядочивания внушительного объема накопившихся знаний. Одной из основополагающих составляющих данной области знаний является публичное выступление, которое в рамках лингвистической науки изучается весьма тщательно ввиду того, что представляет собой «процесс использования языка, результатом которого является создание текста» [6, с. 31].

Затрагивая понятие текста на стыке лингвистики и политики, в первую очередь необходимо разграничить понятия политического текста и политического дискурса.

Политический дискурс, как собственно и любой дискурс, представляет собой явление, подверженное изменениям преимущественно в диахроническом аспекте. Небезызвестно, что в речи того или иного политика всегда прослеживаются веяния эпохи и общественно-социальных настроений. Вместе с тем не стоит пренебрегать тем фактом, что отдельно взятый политик в заданных условиях определенной коммуникативной ситуации посредством имеющегося у него административного ресурса будет стараться продвигать свои политические взгляды, взгляды сторонников партии с опорой на свой социально-культурный и жизненный опыт. При этом образец речевого оформления политических настроений должен выстраиваться в соответствии с уже существующими нормами политической риторики, но исключительно так, чтобы не совпадать в полной мере с имеющимися на данный момент в арсенале потенциальных оппонентов образцами поведения на политической арене [10].

В рамках исследования представляется принципиально важным выделение политического дискурса среди других видов дискурса ввиду его универсальности. Несмотря на отнесенность сугубо к политической сфере на первый взгляд, данный вид дискурса во многом применим к весьма различным областям жизни общества. Он способен проникать во многие области жизни человека, гармонично сочетаясь с новыми веяниями общественной жизни. Ряд работ, посвященных рассмотрению различных ракурсов этого направления, как то: содержательно-тематический и коммуникативно-прагматический [9] свидетельствуют о всеобъемлющей «площади покрытия» политического дискурса, включающем «как институциональный, так и неинституциональный виды дискурса, автором которого является политик или который адресован политику как дискурс реагирования на политические события» [Там же]. Соответственно мы

имеем дело с дискурсом в публичной политической деятельности, то есть публичными выступлениями политиков, с политическим дискурсом, который распространяют журналисты в СМИ, а также с политическим дискурсом граждан страны, для которых данная область не является профессиональной, но является доступной в силу влияния, непосредственно на них оказываемого с целью установления определенного политического миропорядка. На сегодняшний день необходимо проводить детальный анализ политического дискурса с тем, чтобы выявить и описать актуальные способы воздействия власти на мировосприятие граждан той или иной страны. Лингвисты предпринимают попытки выяснить, каким образом на уровне коммуникативной деятельности проявляется социальное неравенство. Таким образом в научном обществе пытаются найти способы предупреждения социальных конфликтов [3, с. 23].

Понятие политического текста представляет собой актуальное исследовательское направление для лингвистической науки. Во все времена основная цель создания политического текста состояла в воздействии на общественное мировоззрение или на мировоззрение оппонента. Для достижения данной цели политическому тексту необходимо обладать набором ряда коммуникативно-речевых характеристик для того, чтобы путем воздействия на общественно-политические настроения информировать граждан о том или ином социально-политическом явлении. При этом необходимо учитывать и тот факт, для максимальной информативности текст должен быть ярким и запоминающимся. В то же время нельзя не упомянуть и другую функцию политического текста в этой связи. Речь идет о функции убеждения и побуждения к действиям: политическую аудиторию необходимо убедить в разумности предъявляемых доводов и при необходимости в ряде особых

ситуаций побудить к определенным действиям для достижения своих целей на политической арене [1, с. 22].

Политический текст используется политиками для воздействия на аудиторию, общения с публикой с целью достижения определенных задач. Политический текст является одной из главных составляющих политического портрета, который в целом воплощает его имидж в политической среде. Анализируя политический текст, следует уделить отдельное внимание собственно политическому языку.

Политический язык – это язык, созданный для достижения конкретных политических целей, он закрепляет ценностные и этические установки в обществе, оказывая воздействие как на поведение людей в целом, так и на повседневный язык в частности.

Политическая лингвистика рассматривает язык как фундамент для составления речевого портрета политического деятеля. В этой связи антропоцентрический подход описания языковой личности склонен рассматривать личностные характеристики человека как основополагающие в процессах речепроизводства и речевосприятия [2, с. 7].

В основе речевого портретирования лежит понятие человека говорящего, или понятие языковой личности. В лингвистике термин языковой личности был введен в обиход в 80-х гг. прошлого века Ю.Н. Карауловым. Это привело к тому, что постепенно среди лингвистов возрастал интерес к исследованию языковой личности в контексте описания речевого портрета [4, с. 81].

Вместе с тем следует отметить, что понятие речевого портрета все же не является непосредственным объектом лингвистической науки ввиду того, что сам портрет конструируется задолго до того, как становится фокусом лингвиста-исследователя; он формируется отдельно взятой

социальной группой в процессе моделирования социальной идентичности личности в заданных общественно-социальных рамках [7].

Вышеуказанная позиция Д.С. Гордашниковой представляется принципиально важной для проводимого нами исследования, так как именно в ней раскрывается все сущностные характеристики (структурные составляющие) имиджа политического деятеля.

В рамках лингвистической науки имидж моделируется в процессе реализации в речи следующих основополагающих коммуникативных функций языка [5, с. 81]:

1. дифференциация личности среди других;
2. впечатление, производимое на публику;
3. ориентация на целевую аудиторию.

Данные функции в процессе своей речевой реализации позволяют ученым вывести набор ключевых факторов, влияющих на итоговый портрет речи отдельно взятого политика, как то: мелодика речи, изобилие личных местоимений, использование ярко окрашенных стилистических приемов и фигур речи.

В качестве примера проанализируем предвыборную речь Д. Трампа, которая в большинстве своем изобилует местоимением «мы» («наш»).

We will bring back our jobs. We will bring back our borders. We will bring back our wealth. And we will bring back our dreams. Together, we will make America strong again. We will make America wealthy again. We will make America proud again. We will make America safe again. And yes, together we will make America great again [15].

Анализ же речи В.В. Путина, например, показывает несколько иную «имиджевую» картину политической речи: преобладают личные местоимения, преимущественно стоящие в 1-ом лице единственном числе, например: считаю, заверяю и т.д.

Считаю своим долгом и смыслом всей своей жизни сделать всё для России, для её настоящего и будущего – мирного и процветающего для сбережения и продолжения нашего великого народа, для благополучия в каждой российской семье. *Заверяю* вас, целью моей жизни, работы будет, как и прежде, служение людям, нашему Отечеству. Для меня это превыше всего [13].

Детальный анализ вышеуказанных примеров приводит к ряду весьма логичных в этой связи вопросов, а именно: чем же отличаются речи политиков друг от друга, если в своей общественно-политической направленности по воздействию на население с целью информирования и создания определенных в обществе настроений каждый из них руководствуется общепринятым набором негласных правил.

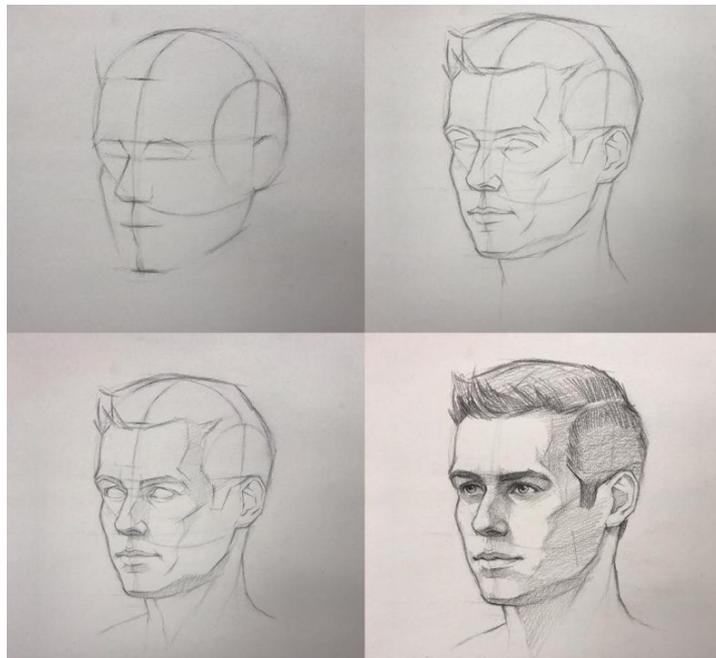
При ближайшем рассмотрении речевых выступлений ведущих политических лидеров лингвисты сойдутся во мнении о том, что каждый из политиков уникален в своем роде. И проявляется это, в первую очередь, при реализации номинативной функции, а именно, дифференциации личности среди других. Индивидуально-психологические характеристики отдельно взятой личности политика в этой связи будут закладывать крепкое «основание», которое впоследствии выступит в роли «лакмусовой бумажки» по выявлению отличительных черт определенного политического имиджа в целом.

Вместе с тем необходимо отметить и тот факт, что индивидуально-психологические характеристики одной и той же личности раскрываются по-разному в зависимости от внешней ситуации, в которой происходит взаимодействие с публикой. Дихотомия личностных характеристик оратора проявляется наиболее ярко под воздействием различных экстралингвистических факторов. Таким образом, один и тот же политический деятель в попытках достичь одну цель выглядит

совершенно по-разному в глазах «аудитории» по той причине, что та самая аудитория оказывает свое «персональное» влияние на оратора, способствуя формированию и дальнейшему проявлению в заданных условиях индивидуального набора личностно-психологических черт.

В рамках реализуемого исследования мы предлагаем выстроить модель формирования речевого портрета личности политика, исходя из общепринятых норм портретирования в живописи.

Прежде чем приступить к описанию подобного рода модели, на наш взгляд, необходимо отметить, что, по мнению М.С. Золотых [8], в первых изображениях человека отсутствовали лица как таковые, то есть индивидуальные портретные черты, характеризующие личность, описывались образно преимущественно в связи с тем, что человек ощущал себя неотъемлемой частью природы, одного коллектива. Портреты начали появляться в искусстве только, когда к человеку пришло осознание его исключительности, непохожести на других членов сообщества, группы и т.д.

Рис. 1. Схема построения портрета в живописи

Таким образом, мы предлагаем взять за основу представленную на *Рис. 1*, модель портретирования из искусствоведческой науки, дополнив ее соответствующими личностно-психологическими описаниями с опорой на область политической лингвистики.

Связь с живописью мы объясняем тем, что принцип создания портрета отдельной личности на бумаге художником, где зафиксирована определенная эмоция натурщика комфортно проецируется на область политической лингвистики, ведь мы говорим преимущественно о дихотомических составляющих личности политика, по-разному проявляющихся в отличных друг от друга коммуникативно-речевых ситуациях, что в целом наглядно поясняется именно на материале искусствоведческой науки, поскольку, образно выражаясь, «взгляд/мимика» – это как раз те динамические составляющие, которые изменяются в соответствии с вполне определенной «обстановкой», тогда как так называемые базовые черты, как то: «форма носа, разрез глаз, овал лица» – неизменно присутствуют в каждой ситуации общения.

Обратимся к *Рис. 1* (слева-направо). Первая часть рисунка, представляющая собой наброски – это собственно личность без четкого представления о том, что из себя она представляет, в рамках исследования это просто личность, озвучивающая свой текст/выступление перед публикой.

Вторая часть рисунка – это выделение опорных моментов в звучащем тексте, анализ текстовой когерентности, формирование первого впечатления о выступающем на основе прослушанного текста.

Третья часть рисунка – придание конкретной «формы» выступающему/оратору. Акцентирование внимания на индивидуальных речепсихических характеристиках на уровне текста.

Четвертая часть рисунка – комплексная картина личности с описанием индивидуальных характеристик на основе прослушанного публичного выступления.

В качестве примеров моделирования портрета подобного рода в лингвистической науке обратимся к выступлениям таких двух политических деятелей, как Джо Байден и Владимир Путин. Для анализа затрагиваемой в рамках исследования тематики возьмем тексты их выступлений, посвященные различным ситуациям взаимодействия с обществом, в которых так или иначе будут представлены разные оттенки репрезентации их политических образов.

Инаугурационная речь Дж. Байдена, 20 января 2021 года.

*With unity **we** can do great things. Important things.*

***We** can right wrongs.*

***We** can put people to work in good jobs.*

***We** can teach **our** children in safe schools.*

***We** can overcome this deadly virus.*

***We** can reward work, rebuild the middle class, and make health care secure for all.*

***We** can deliver racial justice.*

***We** can make America, once again, the leading force for good in the world* [14].

При первом приближении можно безусловно отметить в выделенных опорных моментах в речи президента США преобладание местоимения *we*, *our* («мы» и «наш»).

Сравним представленный выше текст инаугурационной речи Дж. Байдена с другим его выступлением, где он высказывается в отношении ситуации с обвинениями, предъявляемыми в адрес Бритни Гринер.

It took painstaking and intense negotiations, and I want to thank all the hardworking public servants across my administration who worked tirelessly to secure her release. People all across the country have learned about Brittney's story, advocated for her release, stood with her throughout this terrible ordeal. And I know that support meant a lot to her family. I'm glad to be able to say that Brittney is in good spirits. She — she's relieved to finally be heading home. And the fact remains that she's lost months of her life, experienced a needless trauma, and she deserves space, privacy, and time with her loved ones to recover and heal from her time being wrongfully detained. We never forgot about Brittney. And we've not forgotten about Paul Whelan, who has been unjustly detained in Russia for years. This was not a choice of which American to bring home. We brought home Trevor Reed when we had a chance earlier this year. Sadly, for totally illegitimate reasons, Russia is treating Paul's case differently than Brittney's. And while we have not yet succeeded in securing Paul's release, we are not giving up. We will never give up [16].

Для представленного выступления, как мы видим, в дополнение к вышеупомянутым характеристикам характерно также присутствие безличных форм, а также ряда предложений с преобладанием местоимения *I* («я»), где Дж. Байден делится с публикой своей собственной позицией по вопросу. Предложения, содержащие местоимение *I* («я») по большей части используются президентом с целью создания дополнительной благоприятствующей/располагающей обстановки, с тем, чтобы публика «прочувствовала» его эмоции, ощутила его сопричастность, эмпатию, доверилась. Анализ видеоматериалов выступлений Дж. Байдена показывает, что фонетическая составляющая его выступлений гармонично сочетается с произносимым им текстом.

Динамику его речевого портрета в различных ситуациях взаимодействия с аудиторией во многом можно продемонстрировать на

четвертой части *Рис. 1*, это та ситуация, когда его речь приобретает дополнительный «финишный» оттенок в соответствии с окружающими условиями и тематикой выступления.

Теперь обратимся к ряду выступлений В.В. Путина.

Предвыборное выступление 12 февраля, 2004 года.

Уважаемые друзья!

*Прежде всего хочу поблагодарить всех, кто собрался в этом зале и готов к совместной работе. И, разумеется, хотел бы сегодня поблагодарить каждого, кто готов поддержать меня на предстоящих выборах Президента России. Уверен, что действующему главе государства не следует заниматься собственной рекламой – надо было делать это в течение четырех лет: митинговать, сочинять всякие красивые сказки, красивые, но далекие от нашей реальной жизни. Вместе с тем, **считаю**, что **я** просто **обязан отчитаться** перед моими избирателями и всей страной за то, что **было сделано** в течение последних четырех лет, и доложить людям о том, что намерен делать в период ближайших четырех лет, если 14 марта граждане России окажут мне доверие. Но прежде чем сказать, что было сделано, давайте вспомним, в каком состоянии **находилась страна** в конце 99-го-начале 2000-го годов и какие причины, какие факторы повлияли на это состояние. Страну **лихорадило** от забастовок горняков, учителей, других работников бюджетной сферы. Ставки налогов **постоянно повышались**, а фискальная политика в целом была направлена на элементарное выживание. **Ситуация усугублялась** тем, что к этому времени Россия в значительной степени утратила самостоятельные позиции на внешней арене. А те силы в мире, которые продолжали жить стереотипами «холодной войны» и, несмотря на «сладкие» речи, продолжали рассматривать Россию в качестве своего политического соперника, –*

всячески поддерживали все, что могло как можно дольше законсервировать подобное состояние нашей страны [12].

В отличие от Дж. Байдена В.В. Путин чаще использует в своей предвыборной речи глаголы, а не местоимения. Глаголы преимущественно в форме 1-го лица единственного числа. Отдельно следует отметить и тот факт, что в предвыборной речи В.В. Путина присутствует большее количество безличных конструкций, что тем самым подчеркивает его меньшую по сравнению с Дж. Байденом соучастность и эмпатию и больший акцент на итоги/результаты проделанной/достигнутой работы.

Далее рассмотрим обращение В.В. Путина к учащимся вузов по случаю дня российского студенчества.

Дорогие друзья, добрый день!

Вы меня видите, слышите? Тоже рад вас всех видеть.

*Сегодня по давней и хорошей, замечательной традиции в нашей стране отмечается Татьянин день. Я от всей души поздравляю вас, всех учащихся, студентов, аспирантов отечественных вузов, да выпускников разных лет с праздником российского студенчества. Желаю успехов в жизни, в учёбе, в профессии, разумеется, обязательно (сегодня это особенно актуально) крепкого здоровья вам, вашим родным, близким, друзьям, любви – вы люди молодые все – и надёжных, хороших друзей. Пользуясь этой возможностью, **хочу вас поблагодарить** за настойчивость, выдержку, готовность учиться, осваивать новые знания даже в сложных условиях эпидемии. Конечно, **мы** уже об этом говорили не один раз, **понимаю**, что в прошедшие, прямо скажем, непростые месяцы вам не доставало захватывающей, неповторимой, увлекательной студенческой, университетской атмосферы. **Уверен**, что, если не все, то подавляющее большинство, соскучились по прямому общению с друзьями, с наставниками. Сегодня **мы** наверняка обсудим некоторые проблемные вопросы, задачи, но о некоторых шагах*

хотел бы сказать уже сейчас. **Мы** уже увеличили количество бюджетных мест в вузах. В предстоящем учебном году дополнительно будет выделено ещё почти 34 тысячи бюджетных мест. И **отмечу**, что преимущественно их получают вузы в регионах Российской Федерации. Таким образом в общей сложности на бесплатное обучение по программам высшего образования смогут претендовать не менее 60 процентов выпускников российских школ. **Будем наращивать** число бюджетных мест. Ведь и число выпускников школ в ближайшие годы у нас будет расти – благодаря тем позитивным результатам, которые в своё время дали наши программы поддержки семьи, рождаемости, демографического развития [11].

Как мы видим, в ситуации, когда президент общается с народом напрямую, он старается использовать в речи больше маркеров «сближающих» его с гражданами. В более официальных ситуациях акцент в его выступлениях за счет форм построения высказывания падает на достижения страны в целом, на успехи, общества.

Исходя из проделанного исследования мы пришли к выводу о том, что при идентичности экстралингвистических факторов для достижения одних и тех же коммуникативных задач представленные личности используют отчасти прямо противоположные друг другу элементы текстового акцентирования при воздействии на публику. Обратившись к *Рис. 1*, мы на ассоциативном примере можем высказать предположение о том, что на первом этапе формирования речевого портрета личности портрет различных политических деятелей будет единым для многих, будет одинаково восприниматься публикой. На втором и третьем этапах публика уже сможет наблюдать отличия в речевых портретах на таких уровнях, как «темперамент/характер», «возраст», «историческая эпоха». И уже на заключительном, четвертом этапе проявляются более глубокие отличия речевых портретов на уровне психологического состояния и

специфических фонетических, грамматических и лексических особенностей речи оратора.

Таким образом, динамика речевого портрета личности современного политика проявляется в противоречивом дихотомическом сочетании относительно устойчивых составляющих конструируемой модели, проявляющихся в опоре на достаточно стабильный комплекс используемых ими языковых средств; и весьма подвижных единиц, формирующих противоречивость, проявляющуюся в разном наборе тех составляющих, что лежат в основе общеязыковых факторов, направленных на достижение общеполитических целей. Однако политическая риторика вполне способна изменить подходы к достижению все тех же целей в угоду изменчивой политической обстановки. И уже в этой связи устойчивость речевого портрета политика будет «висеть на волоске», а значит потребует максимальной концентрации других коммуникативных ресурсов для сохранения относительно динамичной модели речевого имиджа политического деятеля в заданных общественно-политических рамках.

Литература

1. *Акопова Д.Р.* Политический текст: понятие и жанровая специфика // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2014. № 2 (32): Ч. I. – С. 22.
2. *Бабушкина Е.А.* Речевой портрет личности: фонетические характеристики / И.А. Атлас. – 2012. – С. 7-11.
3. *Будаев Э.В., Ворошилова М.Б., Дзюба Е.В., Красильникова Н.А.* Современная политическая лингвистика: учебное пособие / Э.В. Будаев, М.Б. Ворошилова, Е.В. Дзюба, Н.А. Красильникова. – Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2011. – 252 с.

4. *Го Лицзюнь, Нью Ичжи* Матричная конструкция речевого портрета в динамическом аспекте с позиций дискурсивного подхода (на примере речевого портрета политиков) // Язык и культура (Новосибирск). 2014. – № 12. – С. 81.
5. *Селентьева Д.О.* Политический имидж в условиях современной России // ТРУДЫ СПБГИК. – 2008. – С. 80-89.
6. *Чудинов А.П.* Политическая лингвистика. Учебное пособие/ А.П. Чудинов. – Москва: Флинта, Наука, 2006. – 254 с.
7. *Гордашникова Д.С.* Речевой портрет и языковая личность персонажа художественного произведения (на примере романа Д. Киза «Цветы для Эдджернона») [Электронный ресурс]: дис. ...канд. филол. наук. Москва, 2021. URL: <https://www.dissercat.com/content/rechevoi-portret-i-yazykovaya-lichnost-personazha-khudozhestvennogo-proizvedeniya-na-primere?ysclid=lbmt2n24em117492757> (дата обращения: 14.12.2022).
8. *Золотых М.С.* О процессе создания портретного образа в живописи [Электронный ресурс] // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2016. № 3 (39). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-protssesse-sozdaniya-portretnogo-obraza-v-zhivopisi?ysclid=lbo1senwi3334500084> (дата обращения: 14.12.2022).
9. *Перельгуд Н.М., Сухоцкая Е.Б.* О структуре понятия «Политический дискурс» [Электронный ресурс] // Вестник НВГУ. 2013. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-strukture-ponyatiya-politicheskij-diskurs> (дата обращения: 14.12.2022).
10. *Опарина Е.О., Раренко М.Б.* Дональд Трамп: Речевой портрет политика [Электронный ресурс]: Глава 4.3. URL: http://inion.ru/site/assets/files/5519/glava_4_3.pdf (дата обращения: 14.12.2022).

11. Встреча В.В. Путина с учащимися вузов по случаю Дня российского студенчества. Полный текст [Электронный ресурс]. Москва, 2021. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/64922> (дата обращения: 10.06.2023).

12. Выступление кандидата в президенты России Владимира Путина перед доверенными лицами. Полный текст [Электронный ресурс]. Москва, 2004. URL: <https://regnum.ru/news/polit/217331.html> (дата обращения: 14.12.2022).

13. Речь президента Путина на церемонии вступления в должность. Полный текст [Электронный ресурс]. Москва, 2018. URL: <https://russian.rt.com/russia/article/510301-rech-prezidenta-putina-inauguraciya> (дата обращения: 10.06.2023).

14. Joe Biden's inauguration speech transcript, annotated [Электронный ресурс]. The Washington Post, 2021. URL: <https://www.washingtonpost.com/politics/interactive/2021/01/20/biden-inauguration-speech/> (дата обращения: 10.06.2023).

15. The full text of Donald Trump's inauguration speech [Электронный ресурс]. The Guardian, 2017. URL: <https://www.theguardian.com/world/2017/jan/20/donald-trump-inauguration-speech-full-text> (дата обращения: 10.06.2023).

16. The White House [Электронный ресурс]. Washington DC, 2022. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2022/12/07/remarks-by-vice-president-harris-and-prime-minister-simonyte-of-lithuania-before-bilateral-meeting/> (дата обращения: 14.12.2022).

References

1. *Akopova D.R.* Politicheskij tekst: ponjatie i zhanrovaja specifika // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. Tambov: Gramota, 2014. № 2 (32): Ch. I. С. 22
2. *Babushkina E.A.* Rechevoj portret lichnosti: foneticheskie harakteristiki / I.A. Atlas. – 2012. – S. 7-11.
3. *Budaev Je.V., Voroshilova M.B., Dzjuba E.V., Krasil'nikova N.A.* Sovremennaja politicheskaja lingvistika : uchebnoe posobie / Je.V. Budaev, M.B. Voroshilova, E.V. Dzjuba, N.A. Krasil'nikova. – Ekaterinburg: Ural. gos. ped. un-t, 2011. – 252 s.
4. *Go Liczjun', Nju Ichzhi* Matrichnaja konstrukcija rechevogo portreta v dinamicheskom aspekte s pozicij diskursivnogo podhoda (na primere rechevogo portreta politikov) // Jazyk i kul'tura (Novosibirsk). 2014. № 12. S. 81.
5. *Selent'eva D.O.* Politicheskij imidzh v uslovijah sovremennoj Rossii // TRUDY SPBGIK. – 2008. – S. 80-89.
6. *Chudinov A.P.* Politicheskaja lingvistika. Uchebnoe posobie/ A.P. Chudinov. – Moskva: Flinta, Nauka, 2006. – 254 s.
7. *Gordashnikova D.S.* Rechevoj portret i jazykovaja lichnost' personazha hudozhestvennogo proizvedenija (na primere romana D. Kiza «Cvety dlja Jeldzhernona») [Jelektronnyj resurs]: dis. ...kand. filol. nauk. Moskva, 2021. URL: <https://www.dissercat.com/content/rechevoi-portret-i-yazykovaya-lichnost-personazha-khudozhestvennogo-proizvedeniya-na-primere?ysclid=lbmt2n24em117492757> (data obrashhenija: 14.12.2022).
8. *Zolotyh M.S.* O processe sozdaniya portretnogo obraza v zhivopisi [Jelektronnyj resurs] // Uchenye zapiski. Jelektronnyj nauchnyj zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta. 2016. № 3 (39). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-protssesse-sozdaniya-portretnogo-obraza-v-zhivopisi?ysclid=lbo1senwi3334500084> (data obrashhenija: 14.12.2022).

9. *Perel'gud N.M., Suhockaja E.B.* O strukture ponjatija «Politicheskij diskurs» [Jelektronnyj resurs] // Vestnik NVGU. 2013. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-strukture-ponyatiya-politicheskij-diskurs> (data obrashhenija: 14.12.2022).
10. *Oparina E.O., Rarenko M.B.* Donal'd Tramp: Rechevoj portret politika [Jelektronnyj resurs]: Glava 4.3. URL: http://inion.ru/site/assets/files/5519/glava_4_3.pdf (data obrashhenija: 14.12.2022).
11. Vstrecha V.V. Putina s uchashhimisja vuzov po sluchaju Dnja rossijskogo studenchestva. Polnyj tekst [Jelektronnyj resurs]. Moskva, 2021. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/64922> (data obrashhenija: 10.06.2023).
12. Vystuplenie kandidata v prezidenty Rossii Vladimira Putina pred doverennymi licami. Polnyj tekst [Jelektronnyj resurs]. Moskva, 2004. URL: <https://regnum.ru/news/polit/217331.html> (data obrashhenija: 14.12.2022).
13. Rech' prezidenta Putina na ceremonii vstuplenija v dolzhnost'. Polnyj tekst [Jelektronnyj resurs]. Moskva, 2018. URL: <https://russian.rt.com/russia/article/510301-rech-prezidenta-putina-inauguraciya> (data obrashhenija: 10.06.2023).
14. Joe Biden's inauguration speech transcript, annotated [Jelektronnyj resurs]. The WashingtonPost, 2021. URL: <https://www.washingtonpost.com/politics/interactive/2021/01/20/biden-inauguration-speech/> (data obrashhenija: 10.06.2023).
15. The full text of Donald Trumps's inauguration speech [Jelektronnyj resurs]. The Guardian, 2017. URL: <https://www.theguardian.com/world/2017/jan/20/donald-trump-inauguration-speech-full-text> (data obrashhenija: 10.06.2023).

16. The White House [Jelektronnyj resurs]. Washington DC, 2022. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2022/12/07/remarks-by-vice-president-harris-and-prime-minister-simonyte-of-lithuania-before-bilateral-meeting/>(data obrashhenija: 14.12.2022)

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ И ЗАРУБЕЖНАЯ ПРАКТИКА ОРГАНИЗАЦИОННОЙ ПСИХОЛИНГВИСТИКИ/ DOMESTIC AND FOREIGN PRACTICE OF ORGANIZATIONAL PSYCHOLINGUISTICS

УДК 81'23

Ю.В. Погребняк

Московский городской педагогический университет
129226, 2-й Сельскохозяйственный проезд, 4
Москва, Россия
ryuma@yandex.ru

А.Б. Бодриков

Донецкий Национальный университет
283001, Университетская, 24
Донецк, ДНР
Bodrik1987@yandex.ru

ДИАХРОНИЧЕСКАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ СЕМАНТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ КОНЦЕПТОВ В РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ

Аннотация. В современной русской лингвокультуре некоторые традиционно выделяемые концепты развили новые семантические характеристики, отодвинув на задний план традиционно выделяемые семантические признаки. На первый план выходят смыслы, значимые в условиях современной жизни и отражающие тенденции современной культуры. Анализ интернет-статусов показал, что трансформация семантической структуры концептов в современной лингвокультуре идет в соответствии с тенденциями современной культуры. Изменение структуры концептов происходит под влиянием идей постмодернизма. В структуру концепта «просачиваются» характеристики постмодернизма, такие, например, как девальвация ценностей и норм; искусственность, антииерархичность (хаотичность), поверхностность и отсутствие глубинного смысла; избыток копирования (плагиат, неоригинальность); плюрализм мнений, установок и др.; неопределенность во всем; эклектичность; множественные истолкования (множественность интерпретаций); китч, эпатаж; ироничность (цинизм, высмеивание); пародийность; маргинальность; фрагментарность (внимание мелочам, отсутствие синтеза, крах метапооектов); отрицание «старого знания» и отсутствие нового знания; формирование виртуальной реальности, жизнь среди симулякров; «смерть» автора (творчество как цитация и реплика уже существующего). Рассмотренные черты постмодернизма присутствуют в структуре рассмотренных нами концептов, меняя семантику последних в соответствии с требованиями современности. В основном трансформации подвергается ценностная составляющая концепта. Современных русских людей в основном интересует не понятийный, и даже не образный аспект явлений и предметов, а их оценка, их ценность для социума. И это естественно, так как современная культура допускает множественность интерпретаций явлений и смыслов.

Ключевые слова: концепт, русская лингвокультура, ценностный компонент, интернет-статус, современная культура.

**Yu. Pogrebnyak
A. Bodrikov**

DIACHRONIC TRANSFORMATION OF THE SEMANTIC STRUCTURE OF CONCEPTS IN RUSSIAN LINGUOCULTURE

Annotation. In modern Russian linguoculture, some traditionally distinguished concepts have developed new semantic characteristics, pushing the traditionally distinguished semantic features into the background. Meanings that are significant in the conditions of modern life and reflect the trends of modern culture come to the fore. The analysis of Internet statuses has shown that the transformation of the semantic structure of concepts in modern linguoculture is in accordance with the trends of modern culture. The change in the structure of concepts is influenced by the ideas of postmodernism. The characteristics of postmodernism "seep" into the structure of the concept, such as, for example, the devaluation of values and norms; artificiality, anti-hierarchical (chaotic), superficiality and lack of deep meaning; excess copying (plagiarism, unoriginality); pluralism of opinions, attitudes, etc.; uncertainty in everything; eclecticism; multiple interpretations (multiple interpretations); kitsch, shocking; irony (cynicism, ridicule); parody; marginality; fragmentation (attention to details, lack of synthesis, collapse of meta-projects); denial of "old knowledge" and lack of new knowledge; formation of virtual reality, life among simulacra; "death" of the author (creativity as a citation and replica of an existing one).

The considered features of postmodernism are present in the structure of the concepts considered by us, changing the semantics of the latter in accordance with the requirements of modernity. Basically, the value component of the concept undergoes transformation. Modern Russian people are mainly interested not in the conceptual, or even figurative aspect of phenomena and objects, but in their assessment, their value for society. And this is natural, since modern culture allows for a multiplicity of interpretations of phenomena and meanings.

Keywords: concept, Russian linguoculture, value component, Internet status, modern culture.

Концептуализация действительности осуществляется как её обозначение, выражение и описание.

Обозначение есть выделение того, что актуально для данной лингвокультуры и присвоение этому фрагменту осмысливаемой действительности социального знака.

Выражение концепта – это вся совокупность языковых средств, прямо или косвенно связанных с обозначением этого концепта.

Лингвокультурный подход к пониманию концепта состоит в том, что концепт признается базовой единицей культуры, её концентратом, а

концепт как единица культура есть фиксация коллективного опыта, который становится достоянием индивида [1].

По мнению В.И. Карасика и Г.Г. Слышкина концепт представляет собой бытийно-культурное образование, определяемое языком и типом мировосприятия народа [3].

Следуя за В.И. Карасиком, мы понимаем культурный концепт как "многомерное смысловое образование, в котором выделяются ценностная, образная и концептуальная стороны" [2].

У концепта сложная структура. С одной стороны, к ней принадлежит всё, что присуще понятию; с другой стороны, в структуру концепта входит всё то, что и делает его фактом культуры: исходная форма (этимология); сжатая до основных признаков содержания история; современные ассоциации; оценки и т.д.

Наличие трех составляющих в структуре концепта: понятийной, ценностной, образной – указывает на связь концепта:

1) с одной стороны, с языком (объективация того или иного концепта различными способами – словами, словосочетаниями (лексика); фразеологическими единицами (фразеология); пословицами, поговорками (паремиологический фонд); афоризмами; текстами и т. п.);

2) с другой стороны, с культурой, – если исходить из рассмотрения культуры как национальной системы ценностей и идей, обусловленных реальной историей народа и его духовно-психическим складом.

3) с человеком и его деятельностью (речевой, мыслительной и т.п.) Здесь принимаем во внимание наличие психофизиологической основы концепта – некоего чувственного образа, к которому «прикреплены» знания о мире, составляющие содержание концепта [9].

Структура концептов подвержена изменениям. Трансформации, происходящие внутри структуры концептов, могут быть вызваны различными факторами и они мало изучены.

Имеется ряд работ, посвященных трансформации художественных концептов в лингвокультурные.

Например, С.Е. Халитова считает, что культурный концепт «маленький человек», представленный в современной русской лингвокультуре, трансформировался в таковой из художественного концепта «маленький человек». С.Е. Халитова также отмечает, что культурный концепт по сравнению с художественным характеризуется большим количеством признаков, диаметрально противоположной оценочностью, наличием парадигматических связей. В процессе трансформации концепта «маленький человек» из художественного в культурный произошло значительное наращение всех его семантических составляющих.

Первоначально литературно-художественный концепт «маленький человек» имел в своей структуре такие основные признаки, как образ человека, занимающего низкое социальное положение, бедного.

В современной русской культуре концепт "«маленький человек» имеет следующие основные признаки: 'небольшой физически', 'низкого социального положения', 'морально/духовно слабый', 'ребенок'. На ближней периферии закреплены признаки: 'литературный образ «маленького человека»', 'слабохарактерность/склонность к внушению, влиянию', 'ничего не решает', 'маленький относительно мира', 'материальная бедность' [13].

И.В. Кононова развивает новый подход к моделированию структуры лингвокультурного концепта и новый подход к анализу художественного текста. И.В. Кононова предлагает проследить концептуальное

моделирование автором картины мира, а также увидеть трансформации содержания лингвокультурных концептов в сознании автора конкретного произведения. Индивидуально-авторские концепты, которые представлены в произведениях одного и того же писателя, образуют индивидуально авторскую концептосферу, определяющую стиль данного писателя. Исследователь анализирует структуру и средства репрезентации индивидуально-авторских концептов «смерть» и «death», представленных в повести Л.Н. Андреева «Он. Рассказ неизвестного» и новелле «Мертвые» Дж. Джойса.

По мнению автора структура лингвокультурного концепта включает образную, ассоциативную, понятийную, ценностную, этимологическую и историческую составляющие. Ассоциативные, образные и ценностные составляющие подвергаются верификации фактами языка и наиболее полно представляют национальное своеобразие концептов, поэтому эти составляющие больше подвержены изменениям.

И.В. Кононова выявляет распространенные типы трансформаций структуры лингвокультурного концепта в индивидуально-авторской концептосфере: 1) приобретение оценочно-нейтральным (как правило, предметным) концептом оценочного знака и 2) смена оценочного знака концепта на противоположный по сравнению с принятым в культуре. При этом происходит сильная трансформация образной и ассоциативной составляющих, что приводит к изменению символичности концепта [4]. Также имеются единичные работы о трансформации лингвокультурных концептов в диахронии.

Например, А.С. Сказко рассматривает трансформацию концепта «семья» в русской лингвокультуре в диахронии.

А.С. Сказко считает, что концепты получают философский статус, являясь универсалиями культуры. В концепте «семья» сконцентрированы

различные подходы к изучению культуры: психологический, исторический, лингвистический, культурологический, логико-семантический. На формирование культурных концептов оказывают влияние многие факторы: этнокультурный менталитет, мифологическое сознание, ритуальные поведенческие установки, исторические преобразования.

Концепт «семья» представлен прежде всего определенными стереотипами поведения, которые с течением времени трансформируются. В период средневековья в структуре концепта «семья» выделялись такие семантические элементы, как «род»; «первопредок»; «родство», восходящие по происхождению к языческой эпохе, а также компоненты «домострой/государство».

Социально-исторические, политические, культурные изменения в России XVIII-XIX вв. привнесли новые смыслы в семантическую структуру концепта «семья», сформировавшегося в рамках дворянской культуры.

В начале XX века традиционные представления о семье утрачивают свою ценность. В рамках современных социокультурных процессов проявляется противодействие двух тенденций: возрождение традиционных представлений о семье и формирование новой системы ценностей. С одной стороны, семантическими доминантами в концепте «семья» являются: «дисгармония», «обособленность», «отчужденность». С другой стороны, концепт «семья» сохраняет традиционные компоненты: «место, где родные люди», «тепло», «поддержка», «дом» [10].

А.А. Сташкунас исследует диахроническую трансформацию концепта мужественности в европейской культуре. Автором рассматривается норма мужественности в христианской антропологии.

С одной стороны, мужчина и женщина имеют одинаковое отношение к божественной природе как сотворенные по образу и подобию божьему. С

другой стороны, женщина имеет вторичную, служебную природу и функцию. Мужчина более духовен, чем женщина. Женщина становится вместилищем плотского. Данный ход суждений особенно начинает доминировать в эпоху Средневековья.

Честолюбие, смирение, честность, бесстрашие – главные добродетели мужчины в европейской культуре.

На смену воинственному мужу, отвоевывающему свое место под Солнцем, приходит мужчина, ищущий места в царствии небесном.

Далее автором анализируются трансформации мужественного в условиях развития рациональности, прагматичности в эпоху капитализма.

Конкурентная борьба за власть в мире, где правит капитал, становится новым видом состязания мужчин.

Мужественное трактуется как умение быть социально успешным.

В современной русской культуре выявляются различные ожидания, связанные с актуализацией концепта мужественного в России. Основными признаками мужественности становятся: сильный, берущий на себя ответственность и добивающийся результата мужчина. Однако в современной русской культуре существует некая «неудовлетворенность» современной мужественностью, которая спровоцирована изменениями объективной экономической и социальной реальностей. В современной культуре прослеживаются ностальгические нотки по традиционной мужественности, тяготеющей к интерпретации ее в категориях брутальной маскулинности [12].

Представляется, что современное семантическое наполнение концептов лингвокультуры можно четко проследить на материале интернет-статусов.

Интернет-статус – это относительно новое явление в условиях современной жизни и, на наш взгляд, его можно определить как новую форму литературного жанра.

Онлайн-статусы возникают из-за того, что пользователь интернета проецирует мгновенное эмоциональное или психическое состояние на платформу или группу социальной сети. Человек, который устанавливает определенный статус в сети, соответственно, ждет реакции на свое эмоциональное состояние. Кроме того, в случае его/ее негативного эмоционального состояния он/она будет ожидать некоторой формы психологической помощи от других пользователей интернета.

Интернет-статусы тематически охватывают различные сферы современной жизни: образование, работу, семью, отношения между людьми (дружба, любовь), отношение к жизни в целом.

Нами были проанализированы такие концепты современной русской лингвокультуры, как «действительный мир», «тоска» и «война» на материале интернет-статусов [8, 21, 22].

Из анализа интернет-статусов видно, что в сознании современных русских людей действительный мир концептуализируется: 1) в виде набора характеристик самого реального мира, часто очень противоречивых и 2) в виде определения места человека и способов его поведения в этом мире.

Действительный мир представляется современным русским людям, с одной стороны, прекрасным местом, где каждый может быть счастлив, а с другой стороны – ужасным, где господствуют жестокость, нищета, злость; реальным и одновременно нереальным, но совершенно точно непознаваемым, постоянно меняющимся, нелогичным, но закономерным, равнодушным и тщетным, совершенным и одновременно несовершенным. С концептом «действительный мир» связано понимание современными

русскими людьми и места человека в этом мире. Каждый человек, являясь частью мир, неповторим. Люди сами создают этот мир. Так как все взаимосвязано, то действия каждого человека значимы для мира, но разные люди видят этот мир по-разному. Надо дарить любовь другим людям, не враждовать, этот мир надо беречь. Многим людям присуще желание «спасти весь мир», но надо начинать с себя, если человек хочет изменить мир к лучшему.

Наряду с традиционными смыслами в структуре концепта «действительный мир» возникли и новые ценностные компоненты:

1. Надо быть сильным в этом мире и стремиться сохранить равновесие мира.

2. Часто бывает удобно просто «плыть по течению» в этом мире, но не все люди таковы, есть такие, которые действительно могут двигать прогресс.

3. Искусство играет важную роль в реальном мире [8].

Также нами были проанализированы интернет-статусы о тоске.

Из анализа интернет-статусов, в которых представлен концепт «тоска», видно, что по сравнению с традиционно выделяемыми компонентами концепта «тоска» (печаль, грусть, томление, скука, уныние) в современной русской лингвокультуре появились еще новые смыслы: тоска порождается в основном отсутствием любви, разлукой, ревностью и одиночеством, которые усугубляет Интернет, лишая людей полноценного живого общения [21].

Из анализа интернет-статусов и ассоциативного эксперимента видно, что концепт «война» в языковой картине мира современных русских людей традиционно ассоциируется со смертью, убийствами, пролитой кровью; злом, горем, трагедией, несчастьем; страхом; разрушением, уничтожением, бедствием; преступлением против человечества, беззаконием.

Ценностная составляющая концепта «война» представлена следующими смысловыми компонентами: причины войны связаны со стремлением злых и лживых людей к обогащению, надо обладать большой мудростью, чтобы не начинать войну, потому что, если она начнется, то принесет смерть и страдание всем людям. Но следует вести оборонительные войны.

В структуре рассматриваемого концепта появились новые смыслы:

1. Современные русские люди очень благодарны защитникам Отечества, которые победили фашизм.

2. В современной жизни в сознании русских людей война ассоциируется со спортивными состязаниями и с любовью между мужчиной и женщиной.

Анализ интернет-статусов показал, что трансформация семантической структуры концептов в современной лингвокультуре идет в соответствии с тенденциями современной культуры [22].

Изменение структуры концептов происходит под влиянием идей постмодернизма. В структуру концепта «просачиваются» характеристики постмодернизма. Конечно, постмодернизм трудно определить как течение, и существует мало согласия среди исследователей относительно точных его характеристик и его важности для современной культуры.

Однако, несомненно, к отличительным чертам постмодернизма можно отнести следующие: девальвация ценностей и норм; искусственность, антииерархичность (хаотичность), поверхностность и отсутствие глубинного смысла; избыток копирования (плагиат, неоригинальность); плюрализм мнений, установок и др.; неопределенность во всем; эклектичность; множественные истолкования (множественность интерпретаций); китч, эпатаж; ироничность (цинизм, высмеивание); пародийность; маргинальность; фрагментарность (внимание мелочам,

отсутствие синтеза, крах метапроектов); отрицание «старого знания» и отсутствие нового знания; формирование виртуальной реальности, жизнь среди симулякров; «смерть» автора (творчество как цитация и реплика уже существующего) [5, 6, 14, 18-20].

Рассмотренные черты постмодернизма присутствуют в структуре рассмотренных нами концептов, меняя семантику последних в соответствии с требованиями современности.

В следующих интернет-статусах представлена мысль о том, что мир нелогичен.

– Мир бессмысленно жесток, любая попытка его рационализировать, научно объяснить – подлость и шарлатанство.

– Мир не укладывается в рамки логики. Мы думаем, что знаем жизнь, но жизнь всё время преподносит нам сюрпризы [8].

В приведенных выше примерах подчеркивается важность внутренней реальности, которая выступает на передний план в зависимости от чувств субъекта.

Анализ интернет-статусов о реальном мире также показал, что современные русские люди на быденном уровне считают, что мир непознаваем.

– Наши органы чувств выдают столь фрагментарные и несовершенные данные, что мозг вынужден интерпретировать их на основе оценок вероятности, вместо того чтобы воспринимать напрямую. Он не столько «видит» мир, сколько гадает о нем [Там же].

В приведенном выше интернет-статусе находит отражение такая характеристика современной культуры, как отрицание «старого знания» и отсутствие нового знания, а также признание фрагментарности и множественности интерпретаций знаний о реальном мире.

Многим людям присуще желание «спасти весь мир».

– *«Мир – самоубийца, мы его спасаем, а он снова наглотается таблеток»*

– *Я завтра проснусь пораньше. Пойду спасать мир [Там же].*

В приведенных выше интернет-статусах отражаются такие характеристики современной культуры, как девальвация ценностей и норм; ироничность (цинизм, высмеивание); маргинальность.

В приведенных ниже интернет-статусах представлены такие характеристики современной культуры, как конструирование истины самими людьми, отсутствие общепринятых норм.

– *У каждого свой мир, мир тайных желаний, и мечтаний. Это место только для себя, и мы не всегда готовы впускать туда кого-то, делиться своими переживаниями с другими людьми.*

– *Этот мир не для каждого тот же самый [Там же].*

В представлениях современных русских людей о свойствах действительного мира наблюдается некая противоречивость суждений. С одной стороны, есть интернет-статусы, в которых говорится, что мир прекрасен. Например,

– *Мир прекрасен. В мире много чудес и здесь каждый может быть счастливым.*

– *Радуйся жизни и смейся от счастья. Грусти, но не долго, ведь мир так прекрасен [Там же].*

С другой стороны, есть высказывания о том, что мир ужасен. Например,

– *Мир каким-то образом переменился. Будто без предупреждения переключили канал. Ты думал, что смотришь комедийный сериал, а на самом деле шел фильм ужасов.*

– *Вы парни ничего не понимаете. Должно быть вы не знаете, как ужасен этот мир.*

– Мир – он всегда будет таким, каков он есть; на земле все будет идти достаточно дурно и без твоего содействия [Там же].

Современные русские люди думают, что действительный мир реален. Например,

– И мир – это не сон, и я – это не иллюзия. Я – существует, и нужно сделать его счастливым [Там же].

И одновременно, в интернет-статусах мир представлен как нечто нереальное.

– Мир – это коллективная иллюзия, где каждый грезит в одиночку.

– Все, что я думаю об окружающем, умещается в формуле одного из буддистов Тибета: «Мир существует, но он нереален».

– Мир относителен: относительна природа, относительны расстояние, место, время, — все происходит в моих ощущениях.

– Чем больше мы узнаём мир, тем больше мы его не знаем [11].

С одной стороны, современные русские люди думают, что мир совершенен. Например,

– Мир совершенен в каждый свой миг, все грехи уже несут в себе своё отпущение, во всяком малом дитяти уже присутствует старец, во всяком новорождённом младенце – смерть, во всяком умирающем – вечная жизнь. Ни одному из людей невозможно увидеть, сколь далеко иной продвинулся на своём пути, в разбойнике и азартном игроке поджидает Будда, в брахмане поджидает разбойник [8].

И с другой стороны, они думают, что мир несовершенен. Например,

– В этом несовершенном мире обязательно бывает какое-то «но»!

– В мире нет безгрешных людей [Там же].

Во многих интернет-статусах представлена идея разобщенности и опустошенности человечества. Человек должен быть сильным, чтобы выжить.

– Хочешь выжить – будь сильной и неприступной! Это мир сильных, будешь слабой – пропадешь!

– Мир принадлежит сильным. Надо быть сильным. Надо быть выше этого [Там же].

В мире легко жить посредственным людям и плыть по течению.

– Что ни говори, а этот мир заточен под очень средних людей очень среднего роста.

– Мир предлагал мне то, что можно съесть, то, что опасно и то, с чем нужно драться. И съедобное, и опасное, и драчливое не были при этом интересны – я просто ел, просто бил или прятался, если не мог ударить. И множество людей так живут.

– Обычно гораздо проще жить, не давая миру знать, если что не так [11].

Эпохе постмодернизма свойственна холодная апатия и цинизм, что проявляется в следующих интернет-статусах, и соответственно в структуре концепта «действительный мир». Мир равнодушен. Люди ни о чем не беспокоятся.

– ... и, взирая на это ночное небо, усеянное знаками и звездами, я в первый раз открыл свою душу ласковому равнодушию мира...

– Вот поколение пожимающих плечами... Он знает, что я слышала рассказы о нем, и показывает, что ему на это наплевать. Наша цивилизация вполне может умереть от безразличия, прежде чем падет жертвой внешнего нападения [8].

Современные люди считают, что все тщетно в этом мире.

– ... сколько же ненужных вещей в мире... Их изготавливают, развозят на обозах по городам и деревням, уговаривают людей покупать, наживаясь на безвкусице. И люди покупают, радуются, не замечая никчемности, глупости этой вещи... [Там же].

Интертекстуальность и многоязычие, а также игра, присущие современной культуре, показывают осведомленность современного человека об истории, других культурах и произведениях искусства.

Ты идешь туда, где он может быть, и тебе весело, но ты себя обманываешь! Можно, как угодно, хорошо выглядеть, только вот тоску с глаз не уберет ни один take-up! [7].

В представленном выше интернет-статусе отражена легкость перехода современных русских людей на другой код – англоязычный.

В приведенных ниже интернет-статусах, а соответственно и в структуре концепта «тоска», который они описывают, представлена некая ироничность и игра, цель которых - дать читателю возможность принять участие в понимании текста, угадать, что происходит, и предположить развитие событий.

– Бывает, накроет дикая тоска... Встанешь, подойдешь к окну, помотришь на звезды и навсегда решишь изменить свою жизнь! Ну, а потом назад за компьютер.

– Приятная такая тоска. Что-то вроде молчания сосны, с которой улетели птицы [Там же].

Однако постмодернизму присуще активное начало, что находит отражение в структуре многих концептов современной русской лингвокультуры. В структуре концепта «действительный мир», например, выделяется смысл: люди сами создают этот мир.

– Чем чище твои мысли, тем светлее мир вокруг тебя.

– Человек сам рисует свой мир. Плохие слова и поступки, как едкие чернила, въедаются в страницы его жизни [8].

Был выявлен такой смысл в структуре концепта «война», как «любовь между полами подобна войне».

– *Любовь – как война... легко начать... трудно закончить...*

НЕВОЗМОЖНО забыть!

– *Война полов ведётся традиционным оружием.*

– *В любви и на войне невозможно предусмотреть все [11].*

В приведенных выше интернет-статусах отражены такие характеристики современной культуры, как ироничность, игра, пародийность.

Из приведенных выше примеров интернет-статусов видно, что в современной русской лингвокультуре некоторые традиционно выделяемые концепты развили новые семантические характеристики, отодвинув на задний план традиционно выделяемые семантические признаки. На первый план выходят смыслы, значимые в условиях современной жизни и отражающие тенденции современной культуры [21, 22, 8].

В основном трансформации подвергается ценностная составляющая концепта. Современных русских людей в основном интересует не понятийный, и даже не образный аспект явлений и предметов, а их оценка, их ценность для социума. И это естественно, так как современная культура допускает множественность интерпретаций явлений и смыслов.

Литература

1. *Гачев Г.* Национальные образы мира. Космо – Психо – Логос. – М.: Прогресс-культура, 1995. – 368 с.

2. *Карасик В.И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.

3. *Карасик В.И., Слышкин Г.Г.* Лингвокультурный концепт как единица исследования / В.И. Карасик, Г.Г. Слышкин // Методологические проблемы

когнитивной лингвистики / Под ред. И. А. Стернина. – Воронеж, 2001. – С. 71-76.

4. Кононова И.В. О типах трансформации структуры лингвокультурных концептов в рамках индивидуально-авторской концептосферы текста. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-tipah-transformatsii-struktury-lingvokulturnyh-kontseptov-v-ramkah-individualno-avtorskoj-kontseptosfery-teksta/viewer>

5. Мазоренко Д.А. Своевременность позднего капитализма: почему постмодернизм остается главным языком описания нашей эпохи? / Д. А. Мазоренко // Социология власти. – 2021. – Т. 33, № 1. – С. 11-38. – DOI 10.22394/2074-0492-2021-1-11-38. – EDN ARZQQY.

6. Можейко М.А. От постмодернизма к пост-постмодернизму: современные социокультурные трансформации и новейшие тенденции философии / М. А. Можейко // Философские исследования. Ежегодный сборник научных трудов (см. в книгах). – 2014. – № 1. – С. 59-70. – EDN YZPDEY.

7. Новые статусы про тоску. – URL: (<https://novye-statusy.ru/statusy-pro-tosku.html>)

8. Погребняк Ю.В. Концептуализация действительного мира в современной русской лингвокультуре (на материале интернет-статусов) // Миф в истории, политике, культуре [Электронный ресурс]: Сборник трудов V Международной научной междисциплинарной конференции (июнь 2021 года, г. Севастополь) / Под редакцией А. В. Ставицкого. Севастополь: Филиал МГУ имени М.В. Ломоносова в городе Севастополе, 2021. С. 246-252. – URL: <https://sev.msu.ru/wp-content/uploads/2022/02/01a.-Mif-sbornik-5-2021-v.pdf>

9. *Попова З.Д., Стернин И.А.* Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях. – Воронеж: Воронежский государственный университет, 1999. – 30 с.

10. *Сказко А.С.* Трансформация концепта "семья" в культуре России: автореферат дис. ... кандидата философских наук : 09.00.13 / Ставроп. гос. ун-т. – Ставрополь, 2005. – 22 с.

11. Статусы про мир. – URL: <https://novye-statusy.ru/statusy-pro-mir.html>

12. *Сташкунас А.А.* Трансформации концепта мужественного в европейской культуре: на примере памятников литературы и изобразительного искусства: автореферат дис. ... кандидата культурологии : 24.00.01. – Санкт-Петербург, 2012. – 21 с.

13. *Халитова С.Е.* Трансформация художественного концепта в культурный концепт: на примере функционирования концепта "маленький человек" в русской лингвокультуре : автореферат дис. ... кандидата филологических наук : 10.02.01. - Кемерово, 2012. – 22 с.

14. *Шуб М.Л.* Плюральность культуры постмодернизма как основа архитектурной эклектичности / М. Л. Шуб // Вестник Челябинского государственного университета. – 2007. – № 14. – С. 16-21. – EDN NCBIZP.

15. *Bulankina N.E.* Comprehensive model of humanitarian self-organisation of personality in the era of post-modernism / N. E. Bulankina. – 2020. – No. 3(51). – P. 42-49. – DOI 10.24888/2073-8439-2020-51-3-42-49. – EDN DVPGEE.

16. *Correa H.E.* Jihad and Hijra Concepts Emergence in Face of Globalization and Postmodernism / H. E. Correa // RUDN Journal of Philosophy. – 2020. – Vol. 24, No. 4. – P. 704-719. – DOI 10.22363/2313-2302-2020-24-4-704-719. – EDN ADHUGR.

17. *Kungurova O.G.* Remake as a product of postmodernism / O. G. Kungurova, O. Yu. Bondarenko // *3i: Intellect, Idea, Innovation – интеллект, идея, инновация.* – 2020. – No. 4. – P. 73-76. – EDN YPGJVN.

18. *Pogrebnyak Yu.* Semantic characteristics of the concept of "Tosca" in modern Russian linguoculture. *Achievements in Social Sciences, Education and Humanities Research*, volume 537. *Proceedings of the International Conference on Language, Communication and Culture 2020 (ICLCCS 2020).* – URL: <https://www.atlantis-press.com/proceedings/iclccs-20> DOI: <https://doi.org/10.2991/assehr.k.210313.046>

19. *Pogrebnyak Yu., Fursova N., Nesterova E., Vazhenina M, Nozdryuk O.* Characteristics of the Concept "War" in Modern Russian Linguistic Culture // *Proceedings of the 2nd International Conference on Language, Communication and Culture Studies (ICLCCS 2021) - Articles | Atlantis Press* (<https://www.atlantis-press.com/proceedings/iclccs-21>). DOI: <https://dx.doi.org/10.2991/assehr.k.211025.005>

References

1. *Gachev G.* Nacional'nye obrazy mira. *Kosmo – Psiho – Logos.* – M.: Progress-kul'tura, 1995. – 368 s.

2. *Karasik V.I.* Jazykovej krug: lichnost', koncepty, diskurs. – Volgograd: Peremena, 2002. – 477 s.

3. *Karasik V.I., Slyshkin G.G.* Lingvokul'turnyj koncept kak edinica issledovaniya / V.I. Karasik, G.G. Slyshkin // *Metodologicheskie problemy kognitivnoj lingvistiki / Pod red. I. A. Sternina.* – Voronezh, 2001. – S. 71-76.

4. *Kononova I.V.* O tipah transformacii struktury lingvokul'turnyh konceptov v ramkah individual'no-avtorskoj konceptosfery teksta. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-tipah-transformatsii-struktury->

lingvokulturnyh-kontseptov-v-ramkah-individualno-avtorskoj-kontseptosfery-teksta/viewer

5. *Mazorenko D.A.* Svoevremennost' pozdnego kapitalizma: pochemu postmodernizm ostaetsja glavnym jazykom opisaniya nashej jepohi? / D.A. Mazorenko // Sociologija vlasti. – 2021. – Т. 33, № 1. – С. 11-38. – DOI 10.22394/2074-0492-2021-1-11-38. – EDN ARZQQY.

6. *Mozhejko M.A.* Ot postmodernizma k post-postmodernizmu: sovremennye sociokul'turnye transformacii i novejshe tendencii filosofii / M. A. Mozhejko // Filosofskie issledovanija. Ezhegodnyj sbornik nauchnyh trudov (sm. v knigah). – 2014. – № 1. – С. 59-70. – EDN YZPDEY.

7. Novye statusy pro tosku. – URL: (<https://novye-statusy.ru/statusy-pro-tosku.html>)

8. *Pogrebnyak Ju.V.* Konceptualizacija dejstvitel'nogo mira v sovremennoj russkoj lingvokul'ture (na materiale internet-statusov) // Mif v istorii, politike, kul'ture [Jelektronnyj resurs]: Sbornik trudov V Mezhdunarodnoj nauchnoj mezhdisciplinarnoj konferencii (ijun' 2021 goda, g. Sevastopol') / Pod redakciej A. V. Stavickogo. Sevastopol': Filial MGU imeni M.V. Lomonosova v gorode Sevastopole, 2021. С. 246-252. – URL: <https://sev.msu.ru/wp-content/uploads/2022/02/01a.-Mif-sbornik-5-2021-v.pdf>

9. *Popova Z.D., Sternin I.A.* Ponjatie «koncept» v lingvisticheskikh issledovanijah. – Voronezh: Voronezhskij gosudarstvennyj universitet, 1999. – 30 s.

10. *Skazko A.S.* Transformacija koncepta "sem'ja" v kul'ture Rossii: avtoreferat dis. ... kandidata filosofskih nauk : 09.00.13 / Stavrop. gos. un-t. – Stavropol', 2005. – 22 s.

11. Statusy pro mir. – URL: <https://novye-statusy.ru/statusy-pro-mir.html>

12. *Stashkunas A.A.* Transformacii koncepta muzhestvennogo v evropejskoj kul'ture: na primere pamjatnikov literatury i izobrazitel'nogo iskusstva:

avtoreferat dis. ... kandidata kul'turologii : 24.00.01. – Sankt-Peterburg, 2012. – 21 s.

13. *Halitova S.E.* Transformacija hudozhestvennogo koncepta v kul'turnyj koncept: na primere funkcionirovanija koncepta "malen'kij chelovek" v russkoj lingvokul'ture : avtoreferat dis. ... kandidata filologicheskikh nauk : 10.02.01. - Kemerovo, 2012. – 22 s.

14. *Shub M.L.* Pljural'nost' kul'tury postmodernizma kak osnova arhitekturnoj jeklektichnosti / M. L. Shub // Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2007. – № 14. – S. 16-21. – EDN NCBIZP.

15. *Bulankina N.E.* Comprehensive model of humanitarian self-organisation of personality in the era of post-modernism / N. E. Bulankina. – 2020. – No. 3(51). – P. 42-49. – DOI 10.24888/2073-8439-2020-51-3-42-49. – EDN DVPGEE.

16. *Correa H.E.* Jihad and Hijra Concepts Emergence in Face of Globalization and Postmodernism / H. E. Correa // RUDN Journal of Philosophy. – 2020. – Vol. 24, No. 4. – P. 704-719. – DOI 10.22363/2313-2302-2020-24-4-704-719. – EDN ADHUGR.

17. *Kungurova O.G.* Remake as a product of postmodernism / O. G. Kungurova, O. Yu. Bondarenko // 3i: Intellect, Idea, Innovation – intellekt, ideja, innovacija. – 2020. – No. 4. – P. 73-76. – EDN YPGJVN.

18. *Pogrebnyak Yu.* Semantic characteristics of the concept of "Tosca" in modern Russian linguoculture. Achievements in Social Sciences, Education and Humanities Research, volume 537. Proceedings of the International Conference on Language, Communication and Culture 2020 (ICLCCS 2020). – URL: <https://www.atlantis-press.com/proceedings/iclccs-20> DOI: <https://doi.org/10.2991/assehr.k.210313.046>

19. *Pogrebnyak Yu., Fursova N., Nesterova E., Vazhenina M, Nozdryuk O.* Characteristics of the Concept "War" in Modern Russian Linguistic Culture // Proceedings of the 2nd International Conference on Language, Communication

and Culture Studies (ICLCCS 2021) - Articles | Atlantis Press
(<https://www.atlantis-press.com/proceedings/iclccs-21>). DOI:
<https://dx.doi.org/10.2991/assehr.k.211025.005>

УДК 81.23

УДК 004.81; 159.9.072; 81'33

В.Н. Степанов

Международная академия бизнеса и новых технологий
150999, ул. Советская, 80
Ярославль, Россия
stepanov@mubint.ru

Н.С. Еремина

Международная академия бизнеса и новых технологий
150999, ул. Советская, 80
Ярославль, Россия
ns.eremina@edu.mubint.ru

ТОЧКИ КОГНИТИВНОГО НАПРЯЖЕНИЯ В РЕЦЕПЦИИ ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА

Аннотация. Статья посвящена изучению рецепции художественного текста первичной и вторичной языковой личностью. В рамках исследования описывается локализация точек когнитивного напряжения в рецепции переводного поэтического текста первичной и вторичной языковыми личностями, а также производится их осмысление. Раскрываются виды локализаций, принципы шкалирования точек когнитивного напряжения в рецепции переводного поэтического текста первичной и вторичной языковыми личностями. По результатам исследования сделаны следующие выводы: высокая степень тождества рецепции, а, следовательно, локализаций точек когнитивного напряжения, на уровнях лексики и грамматики свидетельствуют о сходстве в системной организации языка перевода в рецепции носителей и не-носителей языка. Низкая степень тождества в рецепции ритмической и рифмопоэтической организации переведенных поэтических текстов свидетельствует об отсутствии тождественных и сформированных системных представлений о когнитивных ожиданиях в рецепции поэтического произведения. На данный момент представляется возможным предполагать, что исследование системных представлений о рецепции художественного текста первичной и вторичной языковыми личностями сквозь призму экспериментального выявления точек когнитивного напряжения будет способствовать формированию объективных критериев к оценке качества перевода.

Ключевые слова: рецепция, точки когнитивного напряжения, языковая личность, художественный перевод, поэтический текст.

COGNITIVE TENSION POINTS IN THE RECEPTION OF A POETIC TEXT

Abstract. The article is devoted to the study of literary text reception by the primary and secondary linguistic personalities. The study describes the localization of cognitive tension points in the reception of a translated poetic text by the primary and secondary linguistic personalities, and their comprehension is made. The types of localizations and the principles of scaling the points of cognitive tension in the reception of translated poetic text by primary and secondary linguistic personalities are disclosed. The research results show the following conclusions: the high degree of reception identity, and consequently the localization of cognitive tension points at the lexical and grammatical levels testify to the similarity in the systemic organization of the target language in the reception of native and non-native speakers. The low degree of identity in the reception of rhythmic and rhyme-poetic organisation of translated poetic texts indicates the lack of identical and formed systemic representations of cognitive expectations in the reception of a poetic work. At this point it seems possible to assume that the study of systemic perceptions of the reception of a fiction text by primary and secondary linguists through the prism of experimental identification of points of cognitive tension will contribute to the formation of objective criteria to assess the quality of translation.

Key words: reception, points of cognitive tension, linguistic personality, literary translation, poetic text.

Проблематизация

Системные представления об особенностях рецепции художественного текста носителями и не-носителями языка определяют критерии оценки качества перевода и особенностей восприятия поэтического текста (и шире – художественного текста [4]) с точки зрения когнитивных исследований, психолингвистики и лингвокультурологии. Подобный исследовательский ракурс особенно актуален в условиях революционных изменений в сфере массовых коммуникаций, бурного развития Интернета и социальных сетей, гуманитарной экспансии искусственного интеллекта [6].

В художественном переводе, как известно, представлена квинтэссенция общей транслатологической проблемы выбора языковых средств, способствующих адекватной передаче художественного образа оригинального текста на язык принципиально иной семиотической

системы [5]. Важную роль в описании рецепции поэтического текста играет предпереводческий анализ, в рамках которого выявляются ключевые характеристики текста. Одна из моделей предпереводческого анализа предложена Я.М. Колкером в монографии «Поэзия и проза художественного перевода» [2]. Данная модель позволяет осветить языковые уровни текста, на которых формируется когнитивное напряжение при порождении и рецепции переводного текста.

Модель, предложенная Я.М. Колкером, предполагает наличие трех этапов, которые автором именуются «вехами» перевода. Каждый из текстов в рамках художественного перевода с использованием данной модели проходит следующие этапы: 1) тексты изучаются с точки зрения пафоса, образной системы, средств художественной выразительности и организации на уровне фонетики, ритма и синтаксиса, на основании этих параметров осуществляется подстрочный перевод; 2) художественные и лексические средства подстрочника адаптируются под нормы принимающей культуры; 3) создаются поэтические тексты, в окончательной версии которых, учитываются выведенные ранее требования к фонетической, ритмической и синтаксической организации [2, с. 55-96].

Данная модель позволяет вывести четыре уровня рецепции художественного текста: 1) лексический, 2) грамматический, 3) рифмопоэтический и 4) ритмический, на которых должно быть сосредоточено внимание при переводе и анализ которых позволяет верифицировать перевод и оценивать его качество.

Понятийный аппарат

Объектом исследования является художественный текст, под которым подразумевается последовательность знаков (слов) на

естественном языке, выполняющая эстетическую функцию [3, С. 29-34]. В свою очередь поэтический текст, будучи разновидностью художественного текста, реализует художественную речь с ее образностью, по «законам», присущим поэтической традиции определенной социальной или языковой группы.

Учитывая, что при обработке образной системы художественного текста задействованы когнитивные представления реципиента о концептах, категориях, конкретных и абстрактных понятиях, стоит обратить внимание на тот факт, что они реализуются в тексте посредством языковых единиц. Затруднения, возникающие на уровне рецепции, порождают когнитивные диссонансы и значительные затруднения понимания текста. В качестве предмета данного исследования выбрана рецепция художественного текста. Под рецепцией в рамках данной работы подразумеваются когнитивные процессы, связанные с восприятием текста.

Одним из ключевых понятий данного исследования является языковая личность и различие в ней первичного и вторичного видов. Поскольку изучение рецепции текстов первичной и вторичной языковой личностью [7, с. 20-24, 54-61] относится к сферам лингвокультурологии и когнитивистики, мы выдвинули гипотезу о том, что при помощи интроспекции можно выявить, систематизировать и проанализировать локализацию когнитивного напряжения в рецепции текста художественного перевода вторичной языковой личностью переводчика и первичной языковой личностью носителя иностранного языка. Под точками когнитивного напряжения понимаются разноуровневые фрагменты текстов, вызывающие затруднения как при рецепции, так и при порождении художественного текста.

В рамках проведенного эксперимента переводчик (носитель русского языка, не-носитель английского языка), являющийся автором подборки

поэтических текстов на русском языке, фиксировал точки когнитивного напряжения на описанных выше уровнях, в моментах, где перевод поэтических текстов на английский язык вызывал затруднение, тем самым формируя контрольную локализацию для дальнейшего эксперимента. Точки когнитивного напряжения фиксировались на всех указанных выше этапах предпереводческого анализа и перевода.

Цель исследования заключается в описании и осмыслении результатов интроспекции первичной и вторичной языковой личностью рецепции художественного перевода поэтического текста. В задачи исследования входит фиксирование рецепции перевода художественного текста посредством маркирования точек когнитивного напряжения, описание видов их локализации, принципы шкалирования точек когнитивного напряжения в рецепции переводного поэтического текста первичной и вторичной языковыми личностями.

Методология

На первом этапе исследования созданы поэтические тексты на русском языке. Значимым для исследования является то, что автор текстов, первичная языковая личность которого русскоязычна, имеет вторичную англоязычную языковую личность и на дальнейших этапах исследования самостоятельно осуществляет художественный перевод. Данный факт позволяет избежать возможной неверной интерпретации текста на этапах предпереводческого анализа и перевода. Ниже приведены тексты, опубликованные в открытом доступе [1] и использованные в качестве материала для исследования.

Текст 1

Старый бог посмотрел в бинокль и прикрыл глаза,	The Old God looks through his binoculars, closes his eyes,
Блудный сын не вернётся, он понял, чужбина слаще .	His prodigal son won't come back, new lands are better .
Он остался ни с чем, сердце — взлетная полоса	He got empty-handed, but his heart makes all arise
Для дурацких идей — поёт всё и редко плачет .	Lord's new handiworks, which him always have to gladden .
Старый бог опять нахмурился и вздохнул:	The Old God again knits his eyebrows , then deeply sighs:
Где же Лот, почему не вывели из Содома,	"Where's Lot, and why has not he been taken out of Sodom,
Где жена его, соль, где голос последних труб?	And where is his salt wife, and where are last trumpets' sounds?
Где же Лазарь? Да как его не застали дома?	Where's Lazarus? How can he ever be not at home?"
Мир казался не тем, чем должен был, в общем, быть.	The world seems to differ much from what it should have been.
То ли это стекло очков запотело жутко,	So, maybe his eyeglasses have got completely fogged up,
То ли этот проект лучше было не воплотить,	Or possibly Old God should not have fulfilled indeed
А залить формалином — дурная, по сути, шутка.	His project. It was an idea to be demolished.

Старый бог слеповато щурится на зарю,	The Old God squints blindishly into the dawning sun,
Вот и первый трамвай блеснул синеватым боком:	He sees the first street-car's side in the distant bluing:
«Ну, иди ты себе, кому же я говорю».	"Hey, you, go ahead! Tell me who I'm talking to".
Под холодную коркой миру привычно плохо.	The world is still hurt even under the shroud it securing.

Текст 2

Любящий слово есть негодяй, по сути,	Frankly, one who loves words is a plain scoundrel,
Ты-де декомпозируешь с ним и бога.	Like you are dissecting God analysing them.
Я исписала много листов до <i>sunt</i> и	I wrote so many sheets spending them in studying
<i>Sum</i> добираясь, так постигая много.	Moving from "sunt" to "sum", learning a great deal.
Ты превращаешь воду в вино на пристани,	You change water into wine sitting at the pier,
Стань и иди; да только воду сковало	Say: «Get up and walk». But the water inside me is
Льдом у меня в груди. Осень приходит быстро,	Bound turning into ice. Autumn's coming nearer
На город сбрасываясь одеялом.	Ready to throw on the city gown of its leaves.

Я потеряла вновь улицу, на которой	Over again I barely found the street though
Знаю по камешку каждый дом, но	Knowing inside and out every single house
Ночью все кошки серы, и с серой порохом	In it. Air in the night had the reek of gunpowder
Потянуло по воздуху. Так бездомно,	Mixed up with sulphur. Hooked on the spire,
Шпиль зацепив, луна бродит волком,	The moon wanders round homelessly like a wolf.
Только не оставляй меня, слышишь, только	Don't let me down, and don't turn out to be weaker ,
Не окажись полым, не откажись только.	Don't look so coldly keeping from me aloof.
Месяц серпом вспарывает левый бок мне.	The moon rips open my left side with a sickle .

Текст 3

Все слова запутались между нами.	All the words are jumbled and lost between us,
Твоё «верь» — протянутая рука,	You say "trust" by showing your open hands,
Всё мое «люблю» — замолчать, пусть зная,	I say "love you" shutting mouth in the middle
Что добавить в споре наверняка.	Of our argument, having ten points left.

Сомневаюсь, что на одном наречии	I'm not sure that we speak the same one language
Говорим с тобой. В звуковом чаду	As we shuffle meanings when using words.
Твоя «речь» как «горечь», «обречь» как «встреча», —	You say “care” like “burden” and “best” like “average”,
Я не знаю, что ты имел в виду.	I'm confused about guessing what you stand for.
Я молчу, слова навязают илом,	I stay silent with all my words inside me,
Оседают тяжело на языке.	They are heavy, withering on my tongue.
Я отмерю каждое, слышишь, милый,	I will weigh them, and let's clarify it,
Превращая в камень в своей руке.	They are weapon for one to whom belong.

В рамках второго этапа исследования осуществлен предпереводческий анализ выбранных текстов, по модели, предложенной Я.М. Колкером в монографии «Поэзия и проза художественного перевода» [2, с. 55-96]. В ходе предпереводческого анализа предприняты следующие шаги: 1) каждый из текстов изучен с точки зрения пафоса, образной системы, средств художественной выразительности и организации на уровне фонетики, ритма и синтаксиса, на основании этих параметров был осуществлен подстрочный перевод; 2) художественные и лексические средства подстрочника адаптированы под нормы принимающей культуры;

3) созданы поэтические тексты, в окончательной версии которых, учитывались выведенные ранее требования к фонетической, ритмической и синтаксической организации. На втором этапе выделены потенциальные точки когнитивного напряжения с точки зрения рифмопоэтической, лексической, ритмической и синтаксической организации оригинального поэтического текста с точки зрения языка носителя (русский).

Третьим этапом исследования является перевод поэтических текстов с русского языка на английский. В процессе перевода проведена локализация затруднительных для перевода фрагментов, выделены точки когнитивного напряжения при переводе художественного текста вторичной языковой личностью переводчика. Точки когнитивного напряжения вручную маркировались в тексте при помощи цветового и шрифтового кода и сформировали контрольную пробу для эксперимента, который был проведен на четвертом этапе исследования. Когнитивное напряжение зафиксировано на уровнях, проанализированных в рамках рецепции рифмопоэтической, лексической, ритмической и синтаксической организации переводного поэтического текста с точки зрения языка не-носителя (английский).

На четвертом этапе исследования проведен эксперимент, в ходе которого локализованы точки когнитивного напряжения в рецепции рифмопоэтической, лексической, ритмической и синтаксической организации переводного поэтического текста с точки зрения носителей языка перевода, то есть, английского языка.

Переведенные на английский язык поэтические тексты были предложены выборке респондентов, чья первичная языковая личность англоязычна. Согласно условиям эксперимента, респонденты должны были маркировать в тексте при помощи предложенного цветового и шрифтового кода обнаруженные ими интерференции на различных

уровнях организации художественных текстов. В подборке стихотворений респонденты отмечали затруднительные для восприятия фрагменты и возможные интерференции на 1) лексическом, 2) грамматическом, 3) рифмопоэтическом и 4) ритмическом уровнях. Так, например, интерференции, связанные с рифмой, отмечались жирным шрифтом, чтобы у респондентов была возможность параллельно маркировать другие фрагменты на том же участке текста выделением цветом.

Каждой из точек когнитивного напряжения, установленной в рамках контрольной пробы вручную был присвоен маркер, по которому впоследствии проводилась сверка локализации точек когнитивного напряжения полученных экспериментальных проб. Сопоставление локализации точек когнитивного напряжения и последующие расчеты производились вручную.

На основании полученных данных были сформированы две группы шкал, в каждую из которых входило по четыре вида шкал. Группы шкал выделены в соответствии с тем, были ли точки когнитивного напряжения в них маркированы носителями или не-носителями английского языка. Виды шкал в группах отражали рассматриваемые в рамках исследования уровни организации переведенного поэтического текста, а именно 1) лексический, 2) грамматический, 3) рифмопоэтический и 4) ритмический уровни.

Исследование

Первый вид шкал позволяет локализовать когнитивное напряжение на лексическом уровне, по данному виду шкал эксперимент показал наибольшую долю совпадений. На уровне лексики совпадений в локализации точек когнитивного напряжения в рецепции художественного текста между контрольной и экспериментальными

пробами оказалось больше половины: 62,5%. Следующая по соотношению совпадений – шкала грамматических интерференций. Их количество оказалось значительным, однако респонденты выявили менее половины (44,17%) точек когнитивного напряжения контрольной пробы. Еще меньше доля совпадений на ритмическом уровне, она составила менее одной пятой (15,28%) общего числа локализаций третьего этапа исследования. Шкала локализации точек когнитивного напряжения на рифмопоэтическом уровне не показала совпадений совсем, что оказалось неожиданным, хотя небольшое число маркирования точек когнитивного напряжения на данном уровне наблюдалось.

На уровне лексики в контрольной рецепции вторичной языковой личностью переводчика выделялось словосочетание «knits his eyebrows» [См. Текст 1], которое является идиоматическим. Когнитивное напряжение было создано для переводчика использованием идиомы, свойственной другой лингвокультурной среде и использованием лексем не в прямом значении.

Данный маркер совпал при анализе локализации респондентов, поскольку для некоторых данная идиома оказалась агнонимичной. Лексемы «homelessly» [См. Текст 2] и «blindishly» [См. Текст 1] также провоцировали когнитивное напряжение, поскольку были порождены при помощи продуктивных для английского языка аффиксов, однако не зафиксированы в словаре. Точки когнитивного напряжения, связанные с этими лексемами частотно отмечались респондентами.

Точки когнитивного напряжения на уровне грамматики во многом порождались посредством использования инверсивных конструкций, присущих русскому языку, где порядок слов свободный, и служили соблюдению стихотворного размера и эмфатизации. Среди примеров

подобных конструкций были: «how can he ever be not at home», «that him always have to gladden» и «should not have fulfilled indeed» [См. Текст 1].

Когнитивное напряжение на уровне вторичной языковой личности возникало при переводе и поиске эквивалентов на уровне ритмической организации текста, поскольку русский и английский языки в значительной степени различаются по месту ударения в словах, необходимом количестве языковых единиц для передачи грамматических форм, а также приемлемом для предложений порядком слов. Однако доля совпадений на данном уровне оказалась незначительной, объяснением этого могут служить различные представления, связанные с требуемой в тексте ритмической организации. В русскоязычной поэтической традиции силлабо-тоническая система соблюдается строже, попытка придерживаться ее была предпринята при переводе.

Среди примеров точек когнитивного напряжения на данном уровне фрагмент «the world seems to differ much from what it should have been» [См. Текст 1], в котором обнаруживается аккумуляция согласных звуков, соответствующая аккумуляции в той же строке оригинального текста, но затрудняющая артикуляцию; перенос фразового ударения в предложении с обстоятельства образа действия на сказуемое, а также наличие сложной грамматической конструкции (третьего типа условного предложения). Или словосочетание «mixed up with sulphur» [См. Текст 2], где, согласно норме английского языка, под фразовым ударением оказывается послелог «up» фразового глагола, гласные звук [i] и [e] в глаголе «mixed» отчасти редуцируются, что приводит к аккумуляции трудных для артикуляции в комбинации согласных звуков в рамках обозначенного фрагмента.

В рамках контрольной рецепции было выделено пять точек когнитивного напряжения на уровне рифмопоэтической организации текста. Например, переводчик маркировал рифму «been» – «indeed» как

неточную и создающую когнитивное напряжение, поскольку в ней есть совпадение ударной рифмующейся гласной, но значительные различия между формирующими слог согласными: [b] – губно-губной взрывной звонкий звук, [ŋ] – альвеолярный сонорный носовой; [n] – альвеолярный сонорный носовой, [d] – альвеолярный взрывной звонкий. При этом совпадающий звук [ŋ] не является консонантной доминантой слога.

Другой маркированной рифмой стала «analysing them» – «a great deal». При создании рифмы ударные дифтонги совпали лишь фрагментарно наличием глайда [i] в обеих синтагмах. Созвучие образовывается в постпозиции наличием переднеязычных звонких звуков: альвеолярного [d] и межзубного [ð], и прилежащих к ним сонорных [m] и [l]. Предшествующий ударному слогу звук [ə] также способствует формированию созвучия.

Носители англоязычной первичной языковой личности отмечали точки когнитивного напряжения на уровне лексики на участках с идиомами и библеизмами: «knits his eyebrows», «last trumpet's sounds» [См. Текст 1]. Отдельно стоит отметить тот факт, что респондентами были носители американского варианта английского языка, возможно, поэтому формы, присущие британскому варианту языка, провоцировали у них возникновение когнитивного напряжения. Данный аспект затронул некоторые грамматические формы (British English: got – American English: gotten) и орфографию (British English: analysing – American English: analyzing).

Точки когнитивного напряжения на уровне грамматики возникали на отрезке «they [words] are weapons for one to whom belong» [См. Текст 3]. При переводе данной строки переводчик был вынужден отойти от оригинала, расширяя оригинальный образ: «превращая в камень в своей руке», «they are weapons for one to whom belong». В данном случае в рамках

переводческой трансформации для соблюдения ритма и поэтического размера было решено заменить существительное «камень» на лексему с более широким значением «weapons» (оружие). При этом местоимение «they» значительно отстоит от существительного «words», находящегося в первой строке обозначенной строфы, что провоцирует возникновение когнитивного напряжения.

На уровне ритмической организации респонденты также маркировали точки когнитивного напряжения, однако экспериментальные пробы в значительной степени не совпали с контрольной. Так, маркировался фрагмент «How can he ever be not at home?» [См. Текст 1], в котором эмфатическое ударение смещено на частицу «ever», однако во второй части предложения инверсия порождает нестандартное фразовое ударение.

К рифмопоэтической организации текстов респонденты относились менее строго и реже маркировали точки когнитивного напряжения в целом. Однако стоит отметить рифму «weaker» – «sickle» [См. Текст 2], где в обоих словах ударным гласным является звук [i], однако в первом случае он долгий, а во втором – краткий. Согласные звуки в препозиции различаются: звук [w] губно-губной сонорный срединный, а звук [s] зубной фриктивный глухой. Однако в постпозиции по отношению к ударной гласной совпадает звук [k]. Обратим внимание на рифму «better» – «gladden» [См. Текст 1], которая была маркирована как точка когнитивного напряжения. Однако, несмотря на то, что ударные гласные в рифмующихся словах различаются: в первом случае под ударением звук [e], а во втором – [æ]; вторым гласным в обоих словах является [ə]. В препозиции по отношению к ударному гласному заходятся звук [b] – губно-губной взрывной звонкий, во втором случае – звук [g], который в свою очередь тоже является взрывным звонким, но велярным по месту артикуляции. Второй парой согласных

звуков являются [t] и [d], оба они взрывные альвеолярные, по отношению друг к другу являются парными по глухости-звонкости. В таком случае, рифма или является относительно точной, или способ рифмовки в строфе мог быть считан некорректно.

Помимо перечисленного, в рамках исследования также было обнаружено затруднение в восприятии респондентами некоторых средств выразительности в поэтическом тексте. Так среди экспериментальных проб было выявлено 10 случаев выделения анжамбемана как грамматической ошибки, что свидетельствует о том, что этот поэтический прием не опознан англоязычными респондентами. Трижды респонденты выделяли точки когнитивного напряжения на уровне рифмы, при этом обозначая требуемым кодом перекрестную рифму, не опознав ее.

Среди прочих интерференций обозначим фрагмент «Lord's new handiworks», на котором носителем английского языка было маркировано когнитивное напряжение на уровне лексики, в то время как оно связано с грамматической категорией. В английском языке существуют два варианта образования формы множественного числа для существительного «handiwork», в данном случае переводчик указывал на многообразие форм и видов создаваемых объектов, поэтому выбрал флективный способ формообразования.

Результаты

Результаты исследования позволяют отметить следующее.

Во-первых, в рецепции лексической и грамматической организации переводного поэтического текста носители и не-носители языка продемонстрировали самую высокую степень тождественности точек когнитивного напряжения. По-видимому, это свидетельствует о тождестве более глубокого порядка – о тождестве системной организации языка

оригинала и перевода в рецепции носителей и не-носителей, а также системного подхода в обучении языку.

Во-вторых, в рецепции ритмической и рифмопоэтической организации переводного поэтического текста носители и не-носители языка продемонстрировали самую низкую степень тождественности точек когнитивного напряжения, что свидетельствует о заметных различиях в англо- и русскоязычных поэтических системах, а также нетождественности и несформированности (несистемности) когнитивных ожиданий в рецепции поэтического произведения носителями и не-носителями языка.

Литература

1. *Еремина Н.С.* Произведения // Стихи.ру. URL: <https://stihi.ru/avtor/natanika2002>
2. *Колкер Я.М.* Поэзия и проза художественного перевода. М: Гуманитарий, 2014. – 497 с.
3. *Лотман Ю.М.* Структура художественного текста. М: Издательство «Искусство», 1970. – 383 с.
4. *Степанов В. Н., Варфоломеева Ю. Н.* От субъектной перспективы к субъектной навигации текста // Верхневолжский филологический вестник. 2021. – № 2 (25). – С. 64–70. DOI 10.20323/2499-9679-2021-2-25-64-70
5. *Степанов В.Н.* Лотман и семиосфера публичной коммуникации сквозь призму когнитивистики // Организационная психолингвистика. – 4 (20), 2022. – С. 32-59.
6. *Степанов В.Н.* Медиаэкология и ее проблемное поле // Организационная психолингвистика [Электронный ресурс]: электрон. науч. журнал / гл. ред. С.В. Мыскин. Вып. №3(15). М.: ООО «Агентство социально-гуманитарных технологий», 2021. С. 10-31.

7. Халеева И.И. Основы теории обучения пониманию иностранной речи (Подготовка переводчиков). М: Высшая школа, 1989. – 236 с.

References

1. Eremina N.S. Proizvedeniya // Stihi.ru. URL: <https://stihi.ru/avtor/natanika2002>

2. Kolker Ja.M. Pojezija i proza hudozhestvennogo perevoda. M: Gumanitarij, 2014. – 497 s.

3. Lotman Ju.M. Struktura hudozhestvennogo teksta. M: Izdatel'stvo «Iskusstvo», 1970. – 383 s.

4. Stepanov V.N., Varfolomeeva Ju.N. Ot sub#ektnoj perspektivy k sub#ektnoj navigacii teksta // Verhnevolzhskij filologicheskij vestnik. 2021. – № 2 (25). – S. 64–70. DOI 10.20323/2499-9679-2021-2-25-64-70

5. Stepanov V.N. Lotman i semiosfera publichnoj kommunikacii skvoz' prizmu kognitivistiki // Organizacionnaja psiholingvistika. – №4(20), 2022. – S. 32-59.

6. Stepanov V.N. Mediajekologija i ee problemnoe pole // Organizacionnaja psiholingvistika, 2021. №3 (15). – S. 10-31.

7. Haleeva I.I. Osnovy teorii obuchenija ponimaniju inostrannoju rechi (Podgotovka perevodchikov). M: Vysshaja shkola, 1989. – 236 s.

УДК 159.9.07

Е.В. Чернышева

Уральский федеральный университет им. первого Президента России

Б.Н. Ельцина

620002, Мира, 19

Екатеринбург, Россия

evchern2010@gmail.com

И.Н. Могильникова

Уральский федеральный университет им. первого Президента России

Б.Н. Ельцина

620002, Мира, 19

Екатеринбург, Россия

Irinamog0309@gmail.com

ПРОЯВЛЕНИЕ ФЕНОМЕНА СПЛЕТНИ СРЕДИ МОЛОДЕЖИ

Аннотация. Обсуждаются особенности проявления феномена сплетен в молодежной среде. На основе разработанной анкеты об отношении к сплетням и полученных данных проведенного исследования подчеркивается, что каждый молодой человек в своей жизни регулярно встречается со сплетнями, которые ассоциируются с недостоверной информацией. Описываются доводы о том, что молодежь часто сплетничает об особенностях межличностных отношений, успехах в профессиональной сфере и других значимых аспектах жизни. Акцентируется внимание на том, что молодежные сплетни используются для приятного времяпровождения, могут намеренно распускаться для оказания давления, манипулирования поведением других людей и сплочения внутри коллектива. Распространяемая негативная информация может стать компонентом буллинга и моббинга. Утверждается, что сплетни в большинстве случаев негативно влияют на взаимоотношения, являются причиной появления неблагоприятных эмоциональных переживаний, личных драм. Большая часть молодых людей отметили, что предпочитают в качестве ответа на распространение сплетен о себе поговорить с распространителями и даже расправиться или отомстить. Немногие могут не обращать внимания или проигнорировать информацию. Подчеркивается необходимость в повышении у молодых людей способности конструктивно противодействовать отрицательному влиянию сплетен.

Ключевые слова: сплетни, взаимоотношения молодежи, ложная информация, негативное воздействие.

MANIFESTATION OF THE PHENOMENON OF GOSSIP AMONG YOUNG PEOPLE

Abstract. The features of the phenomenon of gossip in the youth environment are discussed. Based on the developed questionnaire on the attitude to gossip and the data obtained from the study, it is emphasized that every young person in his life regularly meets with gossip that is associated with unreliable information. The arguments are described that young people often gossip about the peculiarities of interpersonal relationships, successes in the professional sphere and other significant aspects of life. Attention is focused on the fact that youth gossip is used for a pleasant pastime, can be deliberately dissolved to exert pressure, manipulate the behavior of other people and rally within the team. The negative information disseminated can become a component of bullying and mobbing. It is argued that gossip in most cases negatively affects relationships, is the cause of adverse emotional experiences, personal dramas. Most of the young people noted that they prefer to talk to distributors and even crack down or take revenge as a response to the spread of gossip about themselves. Few can ignore or ignore the information. The need to increase the ability of young people to constructively counteract the negative influence of gossip is emphasized.

Key words: gossip, youth relationships, false information, negative impact.

С самого рождения в любой сфере нас окружают люди. В профессиональной деятельности, в общественной жизни, в быту как вид коммуникации распространены сплетни. На протяжении многих лет сплетни воспринимаются как искаженные сведения, исходящие от тех, кому это необходимо или выгодно. Изучением феномена сплетен занимаются филологи, философы, социологи, политологи, юристы, педагоги, психологи и др. [1-3, 5, 9]. На основании анализа научной литературы приведем описания некоторых авторов феномена «сплетня» (см. табл. 1).

Таблица 1

Сравнительный обзор понимания феномена «сплетня»

Автор	Описание проявления феномена								
	Импровизированные новости	Недостоверная информация	Разновидность общения	Ложь	Неформальный канал коммуникации	Отсутствие взаимопонимания	Оценочный разговор об отсутствующих индивидах	Распространение неточных сведений	Интерпретация причин поведения отсутствующих лиц
А. В. Булгаков		+							
Д. С. Горбатов		+	+				+		+
Ю. А. Гоцева				+					
Д. В. Ольшанский		+							
С. В. Пацынко					+				
Д. Н. Ушаков				+				+	
А. С. Чахоян				+					
Н. Ю. Челнокова						+			
Д. В. Шейко		+		+					
Т. Шибутани	+				+				

Понятие сплетен сопровождается синонимами болтовня, клевета, пересуды, дразги, кляузы, разговоры за спиной, «разговор по душам», треп, звон, домысел, молва, злословие, злоречие, а также – характеристиками «лживость», «злонамеренность». Каждый человек сталкивается со сплетнями, имеет свое отношение и представление о том, что это такое. Сплетни имеют сильное и положительное, и отрицательное воздействие на развитие взаимоотношений людей. Для многих, особенно – зависящих от

чужого мнения, людей негативное воздействие сплетен может вызвать сильное психологическое потрясение. Важно знать, как реагировать на информацию и уметь ей противостоять. Необходимо понимать механизм сплетен, в каких социальных группах риск их развития больше, как они влияют на общество и мировоззрение людей [4; 6; 7].

В молодежной среде сплетни служат средством передачи информации и способом психологического воздействия, ассоциируются с искажённой, ложной информацией [8]. Гипотеза: молодежные сплетни имеют специфические особенности, связанные с интересами, жизненным опытом, возрастными отличиями.

Для изучения социально-психологических особенностей проявления сплетен в жизни молодых людей, отношения к непроверенной информации, специфики эмоциональных реакций была создана специальная анкета «Исследование феномена сплетен». В опросе приняли участие 34 человека молодого возраста от 17 до 31 года. В составе выборки были и студенты, и работающие люди.

При ответе на вопрос, что вы понимаете под сплетней, респонденты использовали наиболее распространенные конструкции: обсуждение (разговоры, неправда) за спиной, пересуды, не правдоподобные рассказы, намеренное искажение истины, недостоверная информация (сведения), сбор и распространение информации не от первых лиц. Большая часть опрошенных считает, что это зачастую недостоверные сведения, полученные от малознакомых или близких людей, а информация часто не включает положительные аспекты (*«...это способ передачи информации, но не всегда этот способ передаёт достоверную информацию и честными путями. По моему мнению, для каждой сплетни характерно свое эмоциональное окрашивание»*); *«...это когда услышали что-либо о человеке, и*

каждый начинает передавать другому то, что услышал, и, как часто это бывает, каждый услышал то, что захотел, в итоге и получаются сплетни, каждый рассказывает, как ему охота, а не как есть на самом деле»; «...один человек сказал одно второму, третьему, последний уже на придумывал всякого»). Многие респонденты определяют сплетни через понятие слух («... слух, основанный чаще всего на непроверенной информации»; «...это плохие слухи»; «...слухи попусту»; «...слухи, которые распространяют знакомые люди»; «...обсуждение чужой личной жизни, поощрение и распространение слухов»; «...слух о ком-либо, чём-либо, основанный на неточных или заведомо неверных, нарочито измышленных сведениях»). Большинство респондентов делают акцент на особенной характеристике сплетен, что они распространяются между определённым и знакомым кругом лиц в большинстве случаев так, чтобы они не стали известны тому лицу, которое обсуждается («...обмен информацией (не всегда достоверной) между знакомыми (не всегда хорошими); «...распространение какой-то информации (может, даже непроверенной), домыслы между людьми»). Данная информация, по мнению респондентов, часто бывает преувеличенной, негативной, ярко эмоционально окрашенной («...какая-то зачастую сомнительная информация о человеке, она редко сообщается в лицо, в основном это что-то за спиной»; «...обсуждение, имеющие явно негативный окрас, основанное на личной неприязни одного человека к другому»; «...лишняя болтовня, почти всегда неправда»). Респонденты отмечают, что сплетни способны испортить репутацию людей и могут распускаться с определённой целью («...распускание нелюбимых слухов о другом человеке, обсуждение другого человека в компании с целью испортить, омрачить его репутацию»; «...это слухи за частую, пускаемые с целью осквернить, или принизить положение человека в обществе»).

Эмоциональность сопровождает и содействует придумыванию неправдивой информации, не содержащейся в сплетнях изначально.

При ответе на вопрос, какие темы бурно обсуждаются, более 91 % считают, что люди в основном сплетничают про межличностные отношения пар, 82 % убеждены, что темой для сплетен являются проблемы в отношениях, 74 % думают, что люди обсуждают своих старых друзей. Сплетни могут нести в себе смысловую ценность, значимую информацию. Около половины респондентов отмечают, что сплетничают о деньгах, размерах заработной платы (47 %), интересных новостях (35 %), авторитетных и значимых людях и знаменитостях (41 %), популярных сериалах (15 %). Небольшая часть респондентов (3 %) отметили, что частой темой для обсуждений является успех человека в какой-то сфере (см. рис. 1).

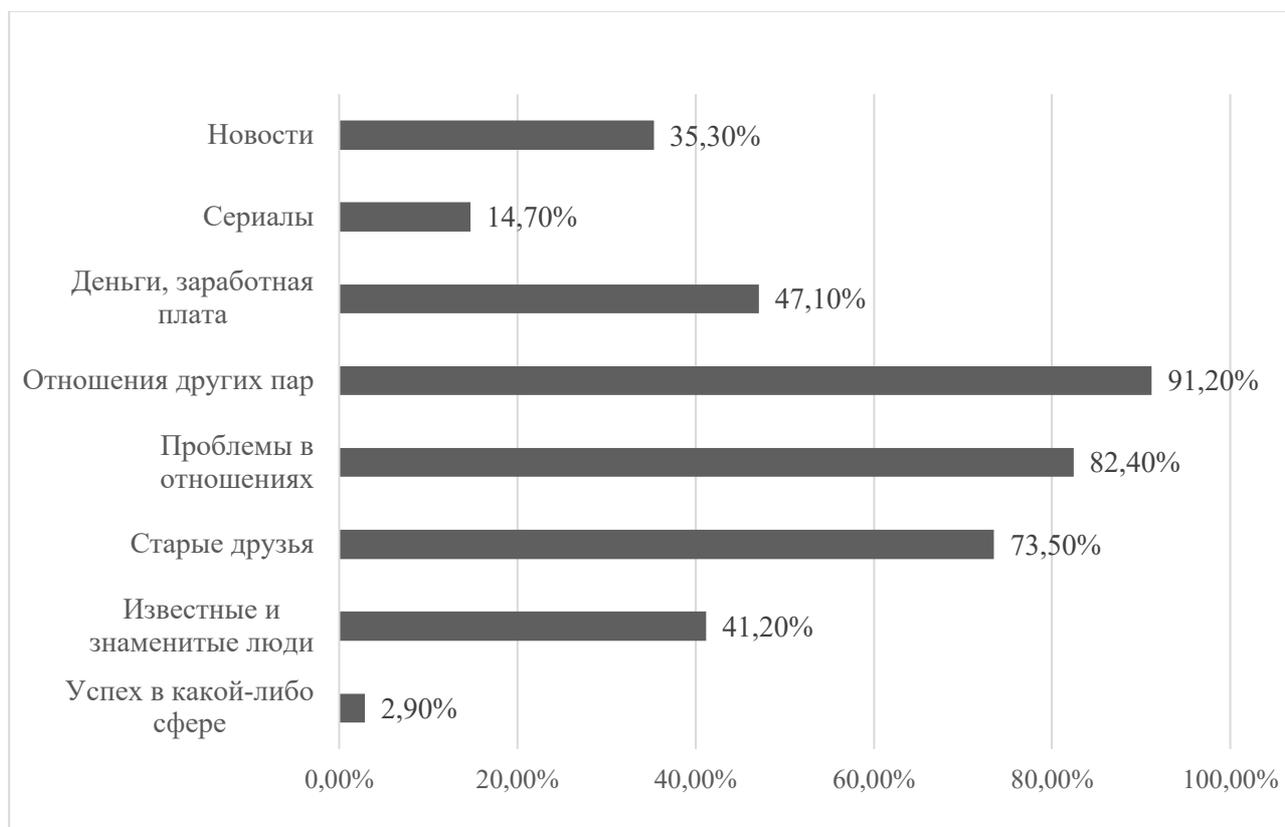

Рис. 1. Содержание передаваемых сплетен

На вопрос, на какие темы обычно сплетничают сами молодые люди, респонденты ответили по-другому: наиболее популярны темы про отношения пар и своих старых друзей (по 47 %) («... у одной из моих подруг было плохое настроение, я через третьих лиц узнала причину, но не знала, насколько она истинная, мне все равно стало очень жаль подругу, я возмутилась и расстроилась. Потом наводящими вопросами выясняли у самой подруги про причину ее плохого настроения, не говоря, что я что-то знаю, оказалось, что не все так плохо, некоторые данные совпали, но были искажены. Я поняла, что не стоит переживать так сильно, не пообщавшись с человеком напрямую»). Частой темой для разговоров становятся возникшие проблемы в отношениях, основное содержание сплетен затрагивает личные аспекты времяпрепровождения, скрытые от общества, и жизнь людей, с которыми они уже не общаются так тесно, как раньше (41 %), значимые новости (38 %), интересные сериалы (21 %), авторитетные знаменитости (21 %) и даже игры (3 %) (см. рис. 2). Сплетни в молодежной среде используются для установления контакта и поддержания разговора, их содержание может не иметь большого интереса, восприниматься как «пустое», заполняя смысловые пустоты при общении. Сплетни могут перерасти в приколы, мифы, хохмоистории [10]. Треть опрошенных при ответе на вопрос, о чем они беседуют, отметили, что сами совсем не сплетничают («...все говорили о том, что у меня 4 кубика пресса и смеялись по этому поводу, а у меня было 6, а еще у меня, в отличие от всех остальных, не было пивного пуза и желания кого-то обсуждать за спиной»).

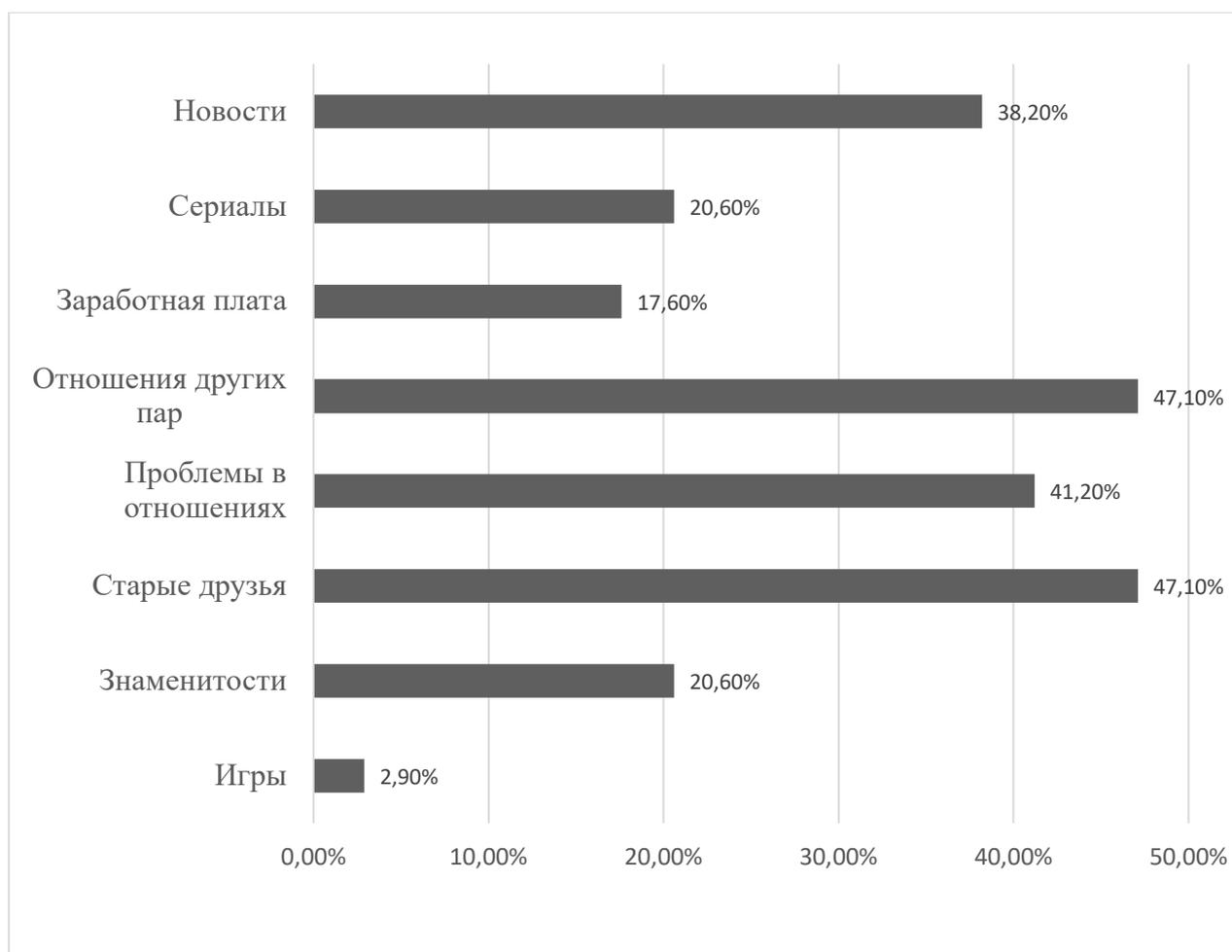

Рис. 2. Темы сплетен самих опрошиваемых

На самом же деле, сплетничество присуще практически каждому человеку – болтание, желание покопаться в чужой жизни, подсмотреть в «замочную скважину», «поговорить за спиной по душам». Выбирая ответ о том, что они совсем не сплетничают, наши респонденты, возможно, подразумевали факт того, что могут противостоять такому социальному явлению и мало подвержены его негативному влиянию. Верно подметила о сплетнях американская журналистка и писательница Барбара Уолтерс, сказав: «Покажите мне человека, который ни разу не сплетничал, и я покажу вам человека, которого люди совершенно не интересуют...» (Barbara Walters), подразумевая, что все люди говорят (сплетничают) о других.

Половина респондентов (50 %) отметили, что при обсуждении сплетен может происходить сближение с другими людьми, подчеркивая, что данный феномен не всегда негативно влияет на взаимоотношения (см. рис. 3). Содержание сплетен могут быть своеобразным психологический тестом группы, по которому можно понять, что для членов этой группы значимо, каковы их интересы. По количеству и содержанию сплетен можно предполагать об уровне благоприятности социально-психологического климата в данном коллективе (команде).

Согласно полученным данным, если сплетня касается самого индивида лично, то она освещает аспекты жизни не всегда правдиво, а взаимоотношения данного человека с создателями и разносчиками сплетен ухудшаются. Обсуждение собеседниками третьих лиц, наоборот, сближает. При обсуждении сплетен проявляется позиции «свой» и «чужой». Когда сплетней делятся с близкими людьми, которым доверяют, они выступают в роли «своего человека». Сплетники, болтуны настроены на приятный обмен информации и совместное привлекательное времяпрепровождение. «Чужой человек» всегда воспринимается негативно, как какая-либо угроза. Содержание сплетни является чем-то личным, сокрытым от чужих глаз, содержит в себе информацию о третьем лице, с жизнью которого хорошо знакомы и слушающий, и рассказывающий. Часто людям приносит особое эмоциональное удовлетворение, что данное третье лицо не знает обсуждаемого, а утечка информации может вызвать психологический дискомфорт, конфликт.

Молодые люди, регулярно и активно встречаясь со сплетнями, характеризуют их в целом как негативное явление, влияющее на взаимоотношения. 35 % респондентов отметили, что появляется негативное отношение к близким людям, возникает недоверие к тому, кто распространил данную информацию, возникают конфликты (29 %), споры

(3 %). Сплетни используются как оружие против своих недругов («формируется ложный образ, который мешает знакомству и дружбе» – 3 %), могут распускаться намеренно, для оказания негативного воздействия на другого человека, становятся причиной появления проблем, конфликтов и личных трагедий («возникают конфликты» – 29 %; «прекращается общение» – 15 %).

Рис. 3. Влияние сплетен на взаимоотношения

Для учебных и профессиональных групп сплетни могут быть не только индикатором неблагоприятного социально-психологического климата, но и активным компонентом буллинга и моббинга. Сплетни ложно обеспечивают эффект сплочённости группы против какого-либо человека, а тот, кто сообщил (доверил) ценную информацию, становится «праведником», открывшим глаза на истину.

На вопрос, будете ли вы прислушиваться и распространять услышанную и не проверенную информацию, 59 % респондентов ответили,

что предпочитают игнорировать услышанные сплетни, 56 % попытаются проверить сведения (*«...мне говорили лживую информацию о другом человеке, которая оказалась недостоверной. Я лично познакомилась с человеком, и он оказался хорошим, а не таким, как о нем говорили другие»*), 27 % будут проявлять возмущение (*«...была зла, возмущена и растеряна, и чувствовала брезгливость, отвращение к людям, которые, распуслав сплетни, потом просили им чем-то помочь, дружелюбно улыбаясь»; «...гнев, я ненавижу ложь и всё то, что с ней связано»*), 24 % вступят в разговор, признаются, что могут охотно передавать услышанную и не проверенную информацию (см. рис. 4). Распространение сплетни в молодежной среде не имеет жизненно важное значение, передача непроверенной информации больше несёт развлекательный смысл, помогает расслабиться, разгрузиться, выплеснуть накопившиеся эмоции в процессе активного обсуждения. Сплетничание в молодежной среде не воспринимается как пустое времяпрепровождение, может быть наполнено и проекцией враждебности, бесцеремонного вторжения в личную жизнь, и стремлением прийти к совместному пониманию проблемы, как способ осмысления событий и оценивания поступков.

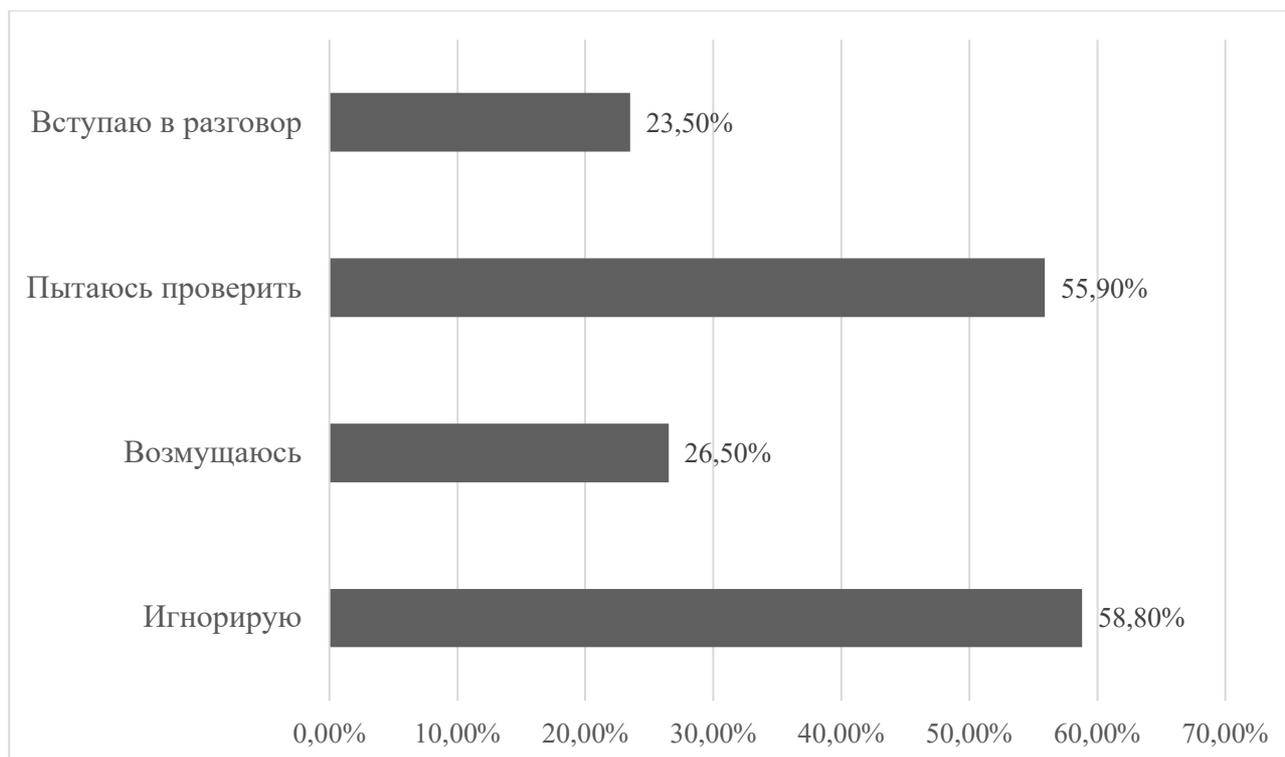

Рис. 4. Реакции на сплетни

Молодые люди часто передают информацию, услышанную «по секрету» от других людей. В этом случае увеличивается вероятность искажения, поскольку секрет – важная для человека информация, и сплетник не желает, чтобы эту тайну узнали другие люди. Любая сплетня, даже имеющая в своей основе достоверные факты, в процессе распространения обрастает определённой придуманной информацией. Рассказчик, сам того не замечая, приписывает истории близкие ему характеристики, выражающие свое отношение к главному герою рассказа, проецируя на него собственные чувства и представления. На вопрос об умении хранить секреты большая часть респондентов (71 %) ответили положительно, 27 % указали, что распространение секрета во многом зависит от его содержания, 3 % признались, что умалчивать, утаивать информацию они не умеют (см. рис. 5).

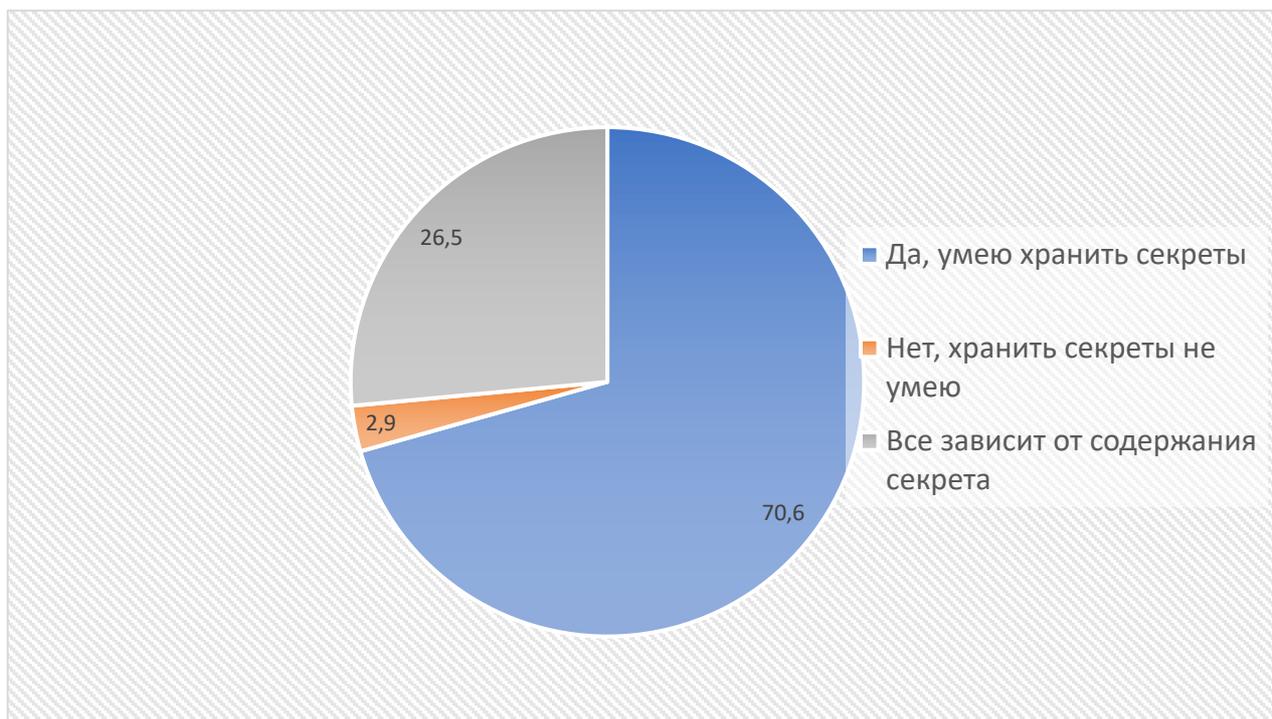
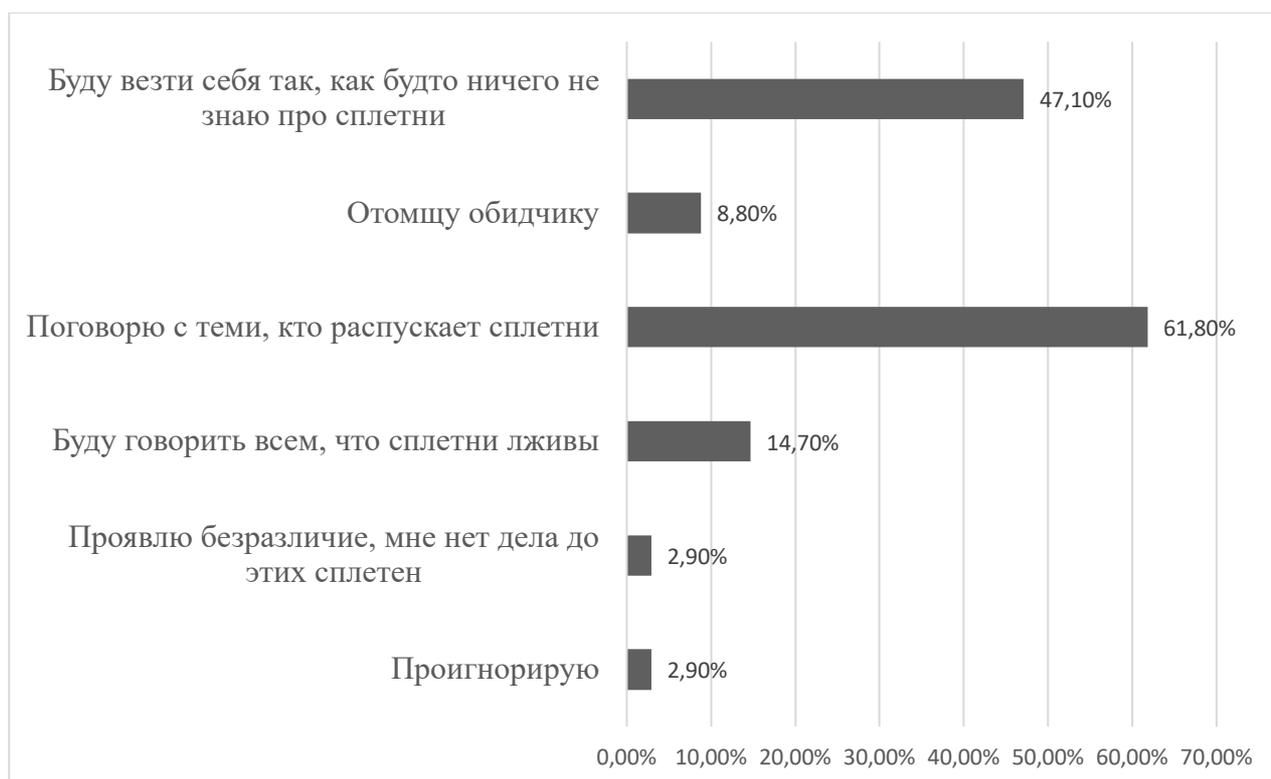

Рис. 5. Умение хранить секреты

Искажённая информация, переданная друг другу «по секрету», имеет неблагоприятный оттенок для того, о ком сплетничают, особенно когда человек узнает, что стал темой для обсуждений. Более половины (62 %) респондентов на вопрос о том, как они реагируют, если узнают про сплетни о себе, предпочитают поговорить с теми, кто распускает эти самые сплетни, 47 % считают, что правильным решением будет проигнорировать услышанную информацию, сделав вид, что ничего не знаю («... это личное 😊. Реакция: возмущение»; «... было обидно, возникло чувство несправедливости из-за того, что люди верят в то, чего на самом деле не было, что придумали сами»), 15 % будут опровергать лживую информацию, 9 % полагают, что с обидчиком необходимо расправиться или отомстить, 3 % утверждают, что смогут проявить безразличие, показать, что им «нет до этого дела» («...моя реакция на все сплетни нейтральна, заставляет улыбаться от фантазии людей») и 3 % проигнорируют совсем («...мне без разницы что люди говорят обо мне») (см. рис. 6).

Рис. 6. Реакции на информацию, которая имеет к человеку непосредственное отношение и распространяется путём сплетен

По мнению общества, сплетни ассоциируются с представителями преклонного возраста («старухи на лавочках», «бабские сплетни»), обычно распространяются и циркулируют в женской среде, при этом стоит заметить, что так считает мужская аудитория. По данным нашего исследования, 71 % респондентов считают, что действительно больше всех сплетничают женщины, но зачастую занимаются пересудами как молодые (59 %), так и пожилые люди (59 %). 3 % ответивших отметили, что все люди сплетничают. У людей с низким доходом потребность злословить выражена в 5 раз выше людей с высоким доходом (см. рис. 7). Предполагая, передача информации связана с особенностями характера и темперамента, респонденты отметили, что интровертированные люди сплетничают не очень часто (9 %). По мнению американского профессора психологии Ральфа Росноу, к сплетням склонны люди, менее уверенные в себе, подверженные необоснованным тревогам, беспокойствам и страхам [11].

Получается, что феномен участия в разговорах за спиной имеет многоуровневую структуру по предрасположенности к сплетням и требует дополнительного изучения.

Рис. 7. Люди, которые сплетничают чаще всего

Респонденты описали сплетни, с которыми они сталкивались в жизни, и то какие последствия, которые они за собой несли. Подвергается обсуждению недавнее прошлое, актуальными являются новости, совершившиеся не так давно. Большинство сплетен – о личной жизни, об особенностях отношений в паре, их проблемах и трудностях. В молодежной среде вызывает интерес, массу эмоций, желание обсудить человека и рассказать об этом другим и тема о людях нетрадиционной ориентации («...обсуждают отношения, мои отношения с молодым человеком, что нужно делать и чего делать не нужно, злая на всех, кто это болтает»; «...распространяли сплетни об ориентации. Просто игнорировала, а когда всё сошло на нет, так как не было реакции, пропал интерес, поговорила с

человеком, который распустил сплетни»; «...сплетня про отношения одноклассницы и учителя истории. Я была очень удивлена, и из-за того, что это очень хорошо знакомые мне люди, поэтому очень активно вступила в обсуждения»). Беременность вызывает широкий интерес для сплетни, если она неожиданна для других людей, особенно когда девушка не состоит в законном браке (*...говорили гадости про то, что я якобы беременна, когда только начала жить с мужем, а на тот момент был просто парнем*»).

Не менее интересной темой для сплетен в молодежной среде являются отношения людей с разными социальными статусами или большой разницей в возрасте (*«...распространялась сплетня о том, что я ненавижу человека. Это у меня вызвало удивление и смех, так как с этим человеком у меня хорошие, дружеские отношения*»). Внешний вид человека – это первое, на что обращает внимание молодежь: если он не соответствует общепринятым нормам, то он вызывает большие дискуссии и может породить сплетни. Если вы выглядите лучше других, это может вызывать зависть, злость и ненависть, а в дальнейшем – вести к распространению слухов с целью подорвать авторитет и сделать вас хуже в глазах других.

Зависть людей часто служит мотиватором к распространению сплетен. Часть респондентов признались, что заработная плата и повышение по должности являются частой темой для обсуждения. Успех людей, улучшение материального достатка провоцирует удивление, а иногда и недовольства других людей. В этом случае сплетни могут подрывать имидж человека, оклеветать его.

Со множеством сплетен молодые люди сталкиваются в своей жизни и абсолютно по-разному реагируют на них. Последствия сплетен различны: ссоры с близкими людьми, обиды, ненависть, нежелание больше общаться. На вопрос, как вы относитесь к сплетням, часть респондентов ответили, что спокойно - они вызывают улыбку и иронию. Часть опрошенных считают,

что умный человек не станет их слушать и проверит всю информацию лично. Кто-то просто игнорирует сплетни. Вторая же часть респондентов возмущены распусканием сплетен, относятся с отвращением к тем, кто их распускает, прекращают дальнейшее общение.

Реакция и последствия сплетен зависят от характера человека, его социального статуса и круга общения, содержания и, конечно, от отношения к людям, которые участвуют в распространении и зарождении вымышленной информации. Зависимости создания и распространения сплетен от личностных особенностей человека – тема для более глубокого изучения данного феномена.

Итак, проведенное исследование сплетен показало, что это – закономерное в молодежной среде явление, своеобразная интерпретация причин поведения отсутствующих знакомых лиц в условиях неформального времяпрепровождения. Это явление интенсивно проявляется в повседневной жизни, влияя на взаимоотношения, настроение, принятие решений. Содержание молодежных сплетен информативно, конкретно, детализировано и сосредоточено на личной сфере жизни. В контенте сплетен отражаются значимые ценности молодежи: межличностные отношения, отношения с противоположным полом, отличные от наиболее распространенных индивидуальных особенностей.

Информационный обмен пересудами поддерживает единство в молодежной группе, но и может разрушать ее ценности и нормы. Сплетни могут использоваться как механизм манипуляции, давления и развлечения при приятном проведении времени, характеризоваться преувеличениями, шутливоироническим оттенком. Недостоверная и эмоциональная информация, содержащаяся в сплетне, может повысить

престиж, поднять авторитет, а также – навредить, разрушить имидж, стать причиной конфликтов и личных драм.

Циркуляция сплетен в молодежных группах касается интересных членам групп личностей в пределах повседневного и непосредственного окружения, о которых не имеется достаточно полной информации. Желание участия в обсуждении слухов и сплетен рассматривается как способ пообщаться, найти общую тему, большинство респондентов отметили, что эти явления приводили их к конфликтам, спорам и проблемам. Самые обсуждаемые темы – личная (интимная) жизнь, проблемы во взаимоотношениях, старые друзья. Объектами для сплетен чаще всего становится успех в каком-либо деле и люди с необычным поведением. В целом же респонденты продемонстрировали негативное отношение к сплетням как проблеме социальной коммуникации.

В окружении сплетен и пересудов не легко оставаться равнодушным. Для молодых людей, принимающих всё «близко к сердцу», легко оказаться героем сплетен, и фактически трудно противостоять такому воздействию. Это показывает необходимость в целенаправленном развитии информационной культуры и критического мышления у молодежи, формировании умений противодействовать непроверенной информации. Для расширения понимания особенностей молодежных сплетен, актуальна задача последующего научного поиска с необходимым проведением корреляционного и факторного анализа связей характеристик коммуникации, ценностей, личностных свойств.

Литература

1. Байранбекова М.А., Казиева М.А. Слухи и сплетни и их роль в современном обществе // Бюллетень медицинских интернет-конференций, 2015. – №12. – С. 1516.

2. Булгаков А.В. Сплетня как прием речевого воздействия на сотрудников организации: результаты теоретического и эмпирического изучения // Организационная психолингвистика [Электронный ресурс]: электрон. науч. журнал / гл. ред. С.В. Мыскин. Вып. №3(19). М.: ООО «Агентство социально-гуманитарных технологий», 2022. – С. 32-54. – EDN ALANHO

3. Булгаков А.В., Булгакова Е.А., Пожемакина В.А. Эмпирическое изучение феномена Fama (сплетня) как приема психологического воздействия // Актуальные проблемы теории и практики психологических, психолого-педагогических, педагогических и лингводидактических исследований: Материалы международной научно-практической конференции. Мытищи, 13–14 апреля 2022 года. Москва: Московский государственный областной университет, 2022. – С. 666-675.

4. Головлева Е.В. Слухи, сплетни и клевета как массовые психологические явления // Личностные и ситуационные детерминанты поведения и деятельности человека: Материалы Международной научно-практической конференции, Донецк, 16 декабря 2021 года. Донецк: Донецкий национальный университет, 2021. – С. 69-73.

5. Горбатов Д.С., Коваль Н.А., Мильруд Р.П. Сплетничество как выражение искажений атрибуции // Мир психологии, 2012. – № 3(71). – С. 267-275.

6. Иванищева О.Н. Сплетни как разновидность фейковой информации // Международный журнал гуманитарных и естественных наук, 2019. – № 10-2(37). – С. 12-14. DOI 10.24411/2500-1000-2019-11638.

7. Касьмова И.Т. Роль эмоций в общении и в освещении реальности // Вестник Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики, 2014. – № 4(60). – С. 234-240.

8. Красова Е.Ю., Мартынова А.Э. Неформальная коммуникация и студенческая молодежь // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология, 2015. – № 4. – С. 19-26.

9. Сайфуллина Э. Р. Сплетня, ссора, лезть как негативно оцениваемые речевые жанры на примере пословиц о речевом поведении // Вестник Башкирского университета, 2008. – №4. – С. 986-989.

10. Шейко Д.В. Особенности пространственно-временной семантики адъективных сочетаний лексемы «сплетня» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. – №6-2(84). – С. 407-411. – DOI 10.30853/filnauki.2018-6-2.47.

11. Rosnow R.L. Rumor and Gossip in Interpersonal Interaction and Beyond: A social exchange perspective // Behaving Badly: Aversive Behaviors in Interpersonal Relationships. – Washington: APA, 2001. – P. 203-232.

References

1. Bajranbekova M.A., Kazieva M.A. Sluhi i spletni i ih rol' v sovremennom obshhestve // B'ulleten' medicinskih internet-konferencij, 2015. №12. S. 1516.

2. Bulgakov A.V. Spletnja kak priem rechevogo vozdejstvija na sotrudnikov organizacii: rezul'taty teoreticheskogo i jempiricheskogo izuchenija / A.V. Bulgakov // Organizacionnaja psiholingvistika. – 2022. – №3(19). – S. 32-54. – EDN ALANHO

3. Bulgakov A.V., Bulgakova E.A., Pozhematkina V.A. Jempiricheskoe izuchenie fenomena Fama (spletnja) kak priema psihologicheskogo vozdejstvija // Aktual'nye problemy teorii i praktiki psihologicheskikh, psihologo-pedagogicheskikh, pedagogicheskikh i lingvodidakticheskikh issledovanij: Materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. Mytishhi, 13–14 aprelja

2022 goda. Moskva: Moskovskij gosudarstvennyj oblastnoj universitet, 2022. – S. 666-675.

4. *Golovleva E.V.* Sluhi, spletni i kleveta kak massovye psihologicheskie javlenija // Lichnostnye i situacionnye determinanty povedenija i dejatel'nosti cheloveka: Materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii, Doneck, 16 dekabnja 2021 goda. Doneck: Doneckij nacional'nyj universitet, 2021. – S. 69-73.

5. *Gorbatov D.S., Koval' N.A., Mil'rud R.P.* Spletnichanie kak vyrazhenie iskazhenij atribucii // Mir psihologii. 2012. – № 3(71). – S. 267-275.

6. *Ivanishheva O.N.* Spletni kak raznovidnost' fejkovoj informacii // Mezhdunarodnyj zhurnal gumanitarnyh i estestvennyh nauk, 2019. – № 10-2(37). – S. 12-14. DOI 10.24411/2500-1000-2019-11638.

7. *Kasymova I.T.* Rol' jemocij v obshhenii i v osveshhenii real'nosti // Vestnik Tadzhijskogo gosudarstvennogo universiteta prava, biznesa i politiki, 2014. – № 4(60). – S. 234-240.

8. *Krasova E.Ju., Martynova A.Je.* Neformal'naja kommunikacija i studencheskaja molodezh' // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Istorija. Politologija. Sociologija, 2015. – № 4. – S. 19-26.

9. *Sajfullina Je. R.* Spletnja, ssora, lest' kak negativno ocenivaemye rechevye zhanry na primere poslovic o rechevom povedenii // Vestnik Bashkirskogo universiteta, 2008. – №4. – S. 986-989.

10. *Shejko D.V.* Osobennosti prostranstvenno-vremennoj semantiki ad#ektivnyh sochetanij leksemy «spletnja» // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2018. – № 6-2(84). – S. 407-411. – DOI 10.30853/filnauki.2018-6-2.47.

11. *Rosnow R.L.* Rumor and Gossip in Interpersonal Interaction and Beyond: A social exchange perspective // Behaving Badly: Aversive Behaviors in Interpersonal Relationships. – Washington: APA, 2001. – P. 203-232.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT AUTHORS

Бодриков Алексей Борисович, кандидат филологических наук, руководитель участка ООО «АРТ-СТРОЙ» (Россия)

Еремина Наталья Сергеевна, руководитель научного общества молодых ученых «Международной академии бизнеса и новых технологий» (Россия)

Кузнецова Юлия Михайловна, кандидат психологических наук, старший научный сотрудник Федерального исследовательского центра «Информатика и управление» Российской академии наук (Россия)

Степанов Валентин Николаевич, доктор филологических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, заведующий кафедрой массовых коммуникаций Международной академии бизнеса и новых технологий (Россия)

Могильникова Ирина Николаевна – Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (Россия)

Погребняк Юлия Владимировна, доктор филологических наук, доцент; профессор кафедры методики обучения английскому языку и деловой коммуникации Института иностранных языков Московского городского педагогического университета (Россия)

Серов Владислав Андреевич – Московский государственный лингвистический университет им. Мориса Тореза (Россия)

Урсул Кристина Витальевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода Института филологии и истории Российского государственного гуманитарного университета (Россия)

Урсул Виталий Игнатович, кандидат политических наук, доцент кафедры информационной аналитики и политических технологий Московского государственного технического университета им. Н.Э. Баумана (Россия)

Чернышева Елена Викторовна, кандидат психологических наук, доцент кафедры общей и социальной психологии Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (Россия)

Электронный научный журнал

«Организационная психолингвистика» публикует статьи, доклады и сообщения российских и зарубежных ученых, докторантов и аспирантов, молодых специалистов. К публикации принимаются также рецензии, обзоры, информация о научных проектах и др. Материалы публикуются на русском и английском языках. Журнал выходит 4 раза в год.

Тематика журнала в соответствии с утверждённой номенклатурой научных специальностей:

5.3.1. Общая психология, психология личности, история психологии (Психологические науки)

5.3.4. Педагогическая психология, психодиагностика цифровых образовательных сред (Психологические науки)

5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (Филологические науки)

Рубрики журнала:

- Концептуальные вопросы организационной психолингвистики.
- Экспериментальные исследования в малых профессиональных группах, трудовых коллективах, организациях.
- Отечественная и зарубежная практика организационной психолингвистики.
- Труды начинающих учёных.
- Хроника, обзоры и рецензии.
- Организационная психолингвистика в лицах и дискуссиях.
- Из истории организационной психолингвистики.

Требования к представлению статей и рецензий

1. К публикации принимаются только статьи, ранее не публиковавшиеся.

2. Статьи и рецензии в электронном виде необходимо выслать на электронную почту **orgpsyling@yandex.ru**

3. Объем рукописи:

— статья (без аннотаций, ключевых слов и транслитерации): до 20 тыс. знаков с пробелами. В отдельных случаях допускается до 40 тыс. знаков

— рецензия 15-20 тыс. знаков с пробелами,

— доклад, сообщение, обзор до 20 тыс. знаков с пробелами.

4. Пристатейные материалы (подаются на русском и английском языках): название статьи, ее аннотация, 5-6 ключевых слов (терминологических словосочетаний), способствующих индексированию статьи в поисковых системах.

Важно! Объем аннотации в соответствии с международными требованиями составляет 150-200 слов. Аннотация должна отражать краткое содержание статьи и указание на результаты исследования. Текст аннотации, а также ключевые слова, написанные на русском языке, должны соответствовать тексту аннотации и ключевым словам, написанным на английском языке (при безусловно возможном расхождении в количестве слов в аннотации на русском и английском языках).

5. Транслитерация всех источников из списка литературы (если это источники на русском языке) даётся латиницей (для транслитерации можно использовать сайт <http://www.translit.ru>);

6. Персональные сведения об авторе статьи (на русском и английском языках): фамилия, имя, отчество; ученая степень, ученое звание, должность; место работы; сфера научных интересов; электронный адрес, контактный телефон. Размещаются в соответствии с Приложением 1.

5. Для подачи рецензии

— дублирование заглавия рецензии на английском языке;

— представление персональных сведений об авторе рецензии (как при представлении статьи).

6. Статьи аспирантов и докторантов принимаются только при наличии рецензии от научного руководителя, отчет из системы «Антиплагиат ВУЗ» (оригинальность текста не менее 87%) и письменного заявления.

Порядок прохождения рукописи

1. Проверка рукописи на общенаучное и техническое соответствие.

2. Анонимное рецензирование (редакционная коллегия принимает решение о публикации с учетом мнения российских и/или зарубежных рецензентов).

3. В случае принятия редакционной коллегией решения о возможности публикации статьи в дистанционном режиме с автором заключается двусторонний договор (публичная оферта) на публикацию материалов в журналах.

4. После обоюдного подписания договора автору направляется уведомление, где указываются сроки публикации, а также в рабочем порядке по необходимости направляются корректуры, верстка и т.п.

Технические требования к рукописи

Файл рукописи должен быть представлен в формате Microsoft Word (иметь расширение *.doc, *.docx, или *.rtf).

Текст статьи и рецензии: поля — с каждой стороны страницы 2 см.; шрифт Times New Roman; выравнивание «по ширине», 14 кегль, полуторный интервал; отступ стандартный (автоматический — 1,25 см); порядковый номер страницы (начиная с 1-й) указывается внизу по центру.

Инициалы и фамилия автора статьи, а также аффилиация и электронный адрес — в начале работы, выравнивание «по правому краю» (Название организации должно быть приведено в полном виде без сокращений. Вместе с названием необходимо указать ее адрес: город и страну. Если над статьей трудились несколько авторов из разных организаций, необходимо указать и их данные. Названия учреждений должны быть соотнесены с фамилиями при помощи добавления цифровых индексов в верхнем регистре перед названиями учреждений и после ФИО соответствующих авторов).

Название статьи: выравнивание «по центру»; на русском языке — 14 шрифт, на английском языке — 12 шрифт.

Аннотации, ключевые слова, список литературы, транслитерация: 12 кегль, одинарный интервал.

Оформление сносок: в квадратных скобках указываются порядковый номер источника в списке литературы (источники в списке даются в алфавитном порядке; сначала на русском, а затем на других языках), далее через двоеточие — номер тома (при необходимости) и номер страницы. Например: [3, с. 108], [3: II, с. 108], [3, с. 108; 5].

Между словами всегда дается только 1 пробел, в конце абзаца никаких дополнительных пробелов быть не должно.

Выделения в тексте допустимы *курсивом* или полужирным шрифтом. Подчеркивание исключено. В файле должны содержаться все необходимые элементы статьи: изображения, таблицы, диаграммы.

Примечания в тексте статьи приводятся в постраничных ссылках и должны иметь сквозную нумерацию.

В тексте статьи и рецензии фамилию следует указывать после инициалов имени и отчества (П.С. Сидоров, С.И. Кириллов, И.П. Александров). Между инициалом(-ами) и фамилией дается пробел (только один), а инициалы идут подряд — без пробелов. Например: И.И. Иванов, И.П. Павлов, Дж.Р. Кантору, Н. Хомский.

Изъятия и лакуны в цитатах или уточнения также требуют оформления. Например, «градация способов, [...] условий», «зона развития [в терминологии Л.С. Выготского] обусловлена».

Если какое-либо выделение в тексте (курсив, разрядка, полужирный шрифт или их комбинаторика) дано в цитате самим цитируемым автором — оно дается без комментария. Если выделение (например, курсив) дается Вами, то после завершения цитаты в круглых скобках указывается: (Курсив мой. — И.И.).

Список литературы: Источники должны быть пронумерованы и писаться с отдельной строки. Нумерация ссылок на источники в списке литературы должна соответствовать ссылкам в тексте статьи, где их следует приводить в квадратных скобках арабскими цифрами. В списке литературы все работы перечисляются в алфавитном порядке. Допускаются только опубликованные материалы.

Для удобства авторов ниже приведены примеры оформления различных типов источников (порядок оформления упрощен за счет снятия дополнительной информации об авторе(ах) работы и тире между информационными группами библиографического описания).

Книга

Психология. Саратов: СГУ, 2015. 450 с.

Иванов А.А., Петров Б.Б. Психология. 2-е изд., доп. и перераб. (если у книги есть автор(ы) + если книга переиздавалась + если указан характер переиздания). М.: Наука, 2001. 330 с.

Иванов А.А. Психология: Вопросы методологии (если в названии книги есть уточнение, оно дается после двоеточия, с большой буквы). М.: Наука, 2010. 450 с.

Психология: Сб. науч. ст. М.: Наука, 2010. 450 с.

Иванов А.А. Возрастная психология / Отв. ред. В.В. Петрова, сост. Г.Г. Сидорова (если у книги есть составитель(и) и/или научный(е) редактор(ы)). М.: Наука, 2001. 200 с.

Иванов А.А. Психология. СПб.; М.: Наука, 2001. 530 с. (если книга издана не в одном городе, в качестве разделителя используется точка с запятой).

Если сочинение многотомное, указывается количество томов и (при конкретизации) номер тома:

Иванов А.А. Психология: В 2-х тт. Тверь: ТГУ, 2001. 220 с., 530 с.

Иванов А.А. Психология: В 2-х тт. Т. 1. СПб.; М.: Наука, 2001. 220 с.

Статья в сборнике (после знака «//» оформление книжное)

Иванов А.А. Возрастные аспекты психологии // Иванов А.А. Социальная психология. М.: Наука, 2001. С. 90-100

Иванов А.А. Возрастные аспекты психологии // Практическая психология. Калининград: КГУ, 2001. С. 90-100.

Периодические издания

Журнал

Иванов А.А. Подростковая психология // Вопросы психологии. 2001. № 1. С. 90-100.

Газета

Михайлов С.А. Езда по-европейски // Независимая газета. 2002. 17 июня.

Таблицы, рисунки, сокращения

Требования к таблицам: таблицы должны помещаться в текст статьи, иметь нумерованный заголовок и быть удобными для чтения. Данные таблиц должны соответствовать цифрам текста.

Каждую таблицу в тексте вместе с нумерованным заголовком следует привести дважды - в русскоязычном и англоязычном вариантах.

Рисунки: автор не должен использовать слишком много иллюстраций в работе. Каждое изображение должно быть оправдано содержанием статьи. Ссылки на рисунки в тексте обязательны. Нумерованную подпись следует указать дважды — на русском и английском языке под изображением. Рисунки обязательно даются в тексте (без обтекания текстом) и обязательно дублируются отдельными файлами в графических форматах (png, gif, tiff, jpg и др.) каждый. Имена файлов, образец: "Иванов_рис5".

Диаграммы, графики, схемы выполняются в программе Excel и присылаются отдельно от текста все в одном файле с расширением xlsx (предпочтительно) или xls; можно использовать и программу Word. Таблицы с данными включаются в файл, не следует их удалять.

Пожалуйста, не изменяйте формат, в котором изображения создавались первоначально. Например, созданная в MS Office 2007 диаграмма утрачивает часть своих свойств при сохранении в «младших» версиях пакета.

Рисунки должны иметь высокое качество и не требовать дополнительного редактирования, в том числе изменения размера (возможны искажения). Рисунки, особенно несложные, не следует делать слишком большими, они должны быть соразмерны тексту. Не перегружайте рисунки многочисленными надписями, комментариями – лучше использовать примечания.

Диаграммы, графики, схемы могут быть цветными, но при условии, что в черно-белом варианте (например, при печати) не происходит утраты информации и все элементы рисунка остаются хорошо отличимыми. Рекомендуются ахроматичные оттенки серого или сине-голубая гамма MS Office 2007 (синий, акцент 1).

Все виды изображений именовются рисунками. Подпись дается под рисунком, в конце подписи – точка; затем идут примечания.

Рис. 1. Название рисунка [в конце стоит точка].

Сокращения: все используемые аббревиатуры и символы необходимо расшифровать в примечаниях к таблицам и подписям к рисункам.

Образцы оформления полного текста статьи см. в Приложении 1.

Контакты

Необходимо указать полные контакты всех авторов.

В контактной информации должны быть указаны:

- ученая степень и звание, должность и полное наименование организации.

- почтовый рабочий адрес (с индексом и указанием страны), адрес электронной почты, номер рабочего телефона (с кодом города), номер мобильного телефона (исключительно для личной связи)

- идентификатор ORCID (подробнее здесь: <http://orcid.org/>), eLibrary SPIN-код (подробнее: http://elibrary.ru/projects/science_index/author_tutorial.asp)

Дополнительная информация Информация о конфликте интересов.

Авторы должны раскрыть потенциальные и явные конфликты интересов, связанные с рукописью. В их числе: финансовые отношения с третьими лицами и интерес сторонних людей к продвижению научной работы.

1) Необходимо указать источники финансирования научной работы

2) Допускаются благодарности авторов лицам и организациям, оказавшим помощь в работе над статьей.

3) Допускается конкретизация работы и вклада всех авторов в подготовленный текст (дизайнеров, аналитиков).

Сопроводительные документы

Вместе с оформленным оригиналом статьи в редакцию должно быть предоставлено сопроводительное письмо, подписанное всеми авторами статьи (или несколько писем со всеми подписями авторов)

ВНИМАНИЕ!

Обязательные правила при подготовке статьи!

Авторы обязаны согласиться со всеми нижеприведенными пунктами, иначе рукопись может быть возвращена!

- Статья не должна быть опубликована в других источниках. Ни частично, ни полностью. Текст не должен также быть рассмотрен на публикацию в других изданиях. Если текст ранее предоставлялся на публикацию, автор обязан уведомить об этом редакцию.

- Оформление по правилам редакции: автор обязан оформить текст по приведенным правилам редакции.

- Наличие всех сопроводительных документов

ОБРАЗЕЦ ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ

УДК 37.042.2

С.В. Мыскин

док. филол. наук, канд. психол. наук, доц.,
ГАОУ ВО «Московский городской педагогический университет»,
129226, 2-й Сельскохозяйственный проезд, 4
Москва, Россия
myskinsv@yandex.ru

С.Г. Харламова

канд. психол. наук, заместитель директора,
Институт среднего профессионального образования им. К.Д.
Ушинского,
ГАОУ ВО «Московский городской педагогический университет»,
129626, 2-й Сельскохозяйственный проезд, 4
Москва, Россия
kharlamovasg@mgpu.ru

**СПЕЦИФИКА ОРГАНИЗАЦИИ ПРОФОРИЕНТАЦИИ И ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ
АДАПТАЦИИ ЛИЦ С ВЫРАЖЕННЫМИ ПСИХОФИЗИЧЕСКИМИ
НАРУШЕНИЯМИ В УСЛОВИЯХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНО ОРГАНИЗАЦИИ**

Статья посвящена проблемам профориентации и профессиональной адаптации инвалидов с психофизическими нарушениями психики в условиях образовательной организации. Авторы проводят анализ зарубежного и отечественного опыта профориентации и профадаптации инвалидов для выявления наиболее эффективных форм организации данных процессов. /.../

Ключевые слова: образовательная организация, профориентация, профессиональная адаптация, инвалиды с психофизическими нарушениями, терапевтическая среда.

S.V. Myskin, S.G. Kharlamova

**SPECIFICITY OF THE ORGANIZATION OF VOCATIONAL GUIDANCE AND
PROFESSIONAL ADAPTATION OF PERSONS WITH SEVERE PSYCHOPHYSICAL
DISORDERS IN THE CONDITIONS OF THE EDUCATIONAL ORGANIZATION**

The article is devoted to problems of vocational guidance and professional adaptation of disabled people with psychophysical disorders of the psyche in conditions of educational organization. The authors analyze the foreign and domestic experience of vocational guidance and professional adaptation of disabled people to identify the most effective forms of organizing these processes. /.../

Keywords: Educational organization, vocational guidance, professional adaptation, disabled people with psychophysical disorders, therapeutic environment.

В настоящее время в столичных вузах и средних профессиональных образовательных учреждениях существует практика организации обучения инвалидов. Как показал пилотный анализ, по окончании профессионального обучения выпускники-инвалиды испытывают острую потребность в трудоустройстве. Основным препятствием здесь выступают опасения и нежелание работодателей принимать на работу молодого человека с психиатрическим диагнозом [1, с. 11; 13]. Такое положение дел негативным образом сказывается не только на процессе профессиональной адаптации самого инвалида, но и на членах его семьи.

Родители в связи с уходом за ребенком-инвалидом вынуждены отказываться от собственной работы, что неминуемо влечет финансовые проблемы. Кроме того, социальное отторжение вынуждает семьи скрывать от окружающих факт болезни ребенка-инвалида, что приводит к/.../

Литература

1. Мыскин С.В., Пашин Н.П., Калмыков С.Б. Актуальные тенденции модернизации кадровой политики организаций в рамках содействия занятости инвалидов // Социальная политика и социальное партнерство. 2014. № 11. С. 11-16.

References

1. Myskin S.V., Pashin N.P., Kalmykov S.B. (2014) Aktual'nye tendentsii modernizatsii kadrovoy politiki organizatsii v ramkakh sodeistviya zanyatosti invalidov [Actual tendencies of modernization of personnel policy of the organizations within assistance of employment of disabled people]. Sotsial'naya politika i sotsial'noe partnerstvo [Social policy and social partnership], 11, pp. 11-16.

**Свидетельство о регистрации средства массовой информации в
Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных
технологий и массовых коммуникаций ЭЛ № ФС77-71113 от
22.09.2017 г.**

**Издательство
ООО «Агентство социально-гуманитарных технологий».
Тираж 500 экз.
115162, г. Москва, ул. Лестева, д. 24. Тел.: 8 (926) 384-02-69.
www.psycholinguistic.ru**